

18+

Сергей Николаевич Усков

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ
МАСТЕР

only for you

А.У. 18

Сергей Усков

Эзотерический мастер. Only for you

«Издательские решения»

Усков С. Н.

Эзотерический мастер. Only for you / С. Н. Усков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980337-5

Практическая магия — не пустячный набор умений для реальной жизни. Охмурить, поиграть в любовь и патриотизм, заморозить и растоптать, прибрать к рукам достояние поколений — это с легкостью проделывает шикарная героиня романа. За её спиной хитроумно замаскированный клан денежных воротил. Противостоять наплыву хитроблудного безумия то же самое, как пройти круги ада, выдержать все беды и напасти. Здесь в помощь только чистое сердце и что-то еще, о чем повествует эта удивительная история.

ISBN 978-5-44-980337-5

© Усков С. Н.
© Издательские решения

Содержание

1. Две роковые родинки	6
2. Неожиданный Сен-Санс	16
3. Переписать судьбу	22
4. Твоя энергия лидерства	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эзотерический мастер Only for you

Сергей Николаевич Усков

Иллюстратор Сергей Аристов

© Сергей Николаевич Усков, 2020

© Сергей Аристов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-0337-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Признак усовершенствованного человека... должен быть в том, что по отношению ко всему происходящему вне его он способен... играть в совершенстве роль, соответствующую данной ситуации; но в то же время никогда не сливаться и не соглашаться с ней.

Г. И. Гурджиев

1. Две роковые родинки

С какого такого резона ей вздумалось устроиться в управленческий офис предприятия «РСС»? Вопрос шалым ветром развлёк сотрудников как женского, так и мужского пола. Это поначалу развлёк, далее – ветерок крепчал изо дня в день, набирая ураганную мощь.

Специальных знаний по профилю работы у новой сотрудницы явно нет. Образование у неё – да, высшее. Причём настолько высшее, что уместно добавить: высшее мифическое.

Мифическое – не потому ли, что студенческая зачётка голубицей сизокрылой летала от одного препода к другому? И те с каким-то садомазохистским удовольствием собственноручно пороли себя, выводя в ароматной книжице-зачётке каллиграфическом почерком не иначе как «хорошо» и «отлично». Следом получая смс-сообщение об адекватном пополнении счета за подготовку сногшибательного кадра для реанимируемого российского производства.

Тем, которые сомневались в действенности выбранной очно-заочной формы образования, смелая девушка наверняка помогала развеять недоразумения по поводу вечного отсутствия на лекциях: знания приходят разными путями. Порой несколько часов близкого общения равнозначны полуобморочному семестру в душных аудиториях.

Разве не так?

А если легким поцелуем прошлифовать гранит науки совместно с её представителем? Алым язычком разгладить шероховатости понимания заумного и переродить заумное просто – в умное, что пригодится по жизни? Знания тогда входят в плоть и кровь. И что вообще означает «знание»? Это, между прочим, развиваемая способность добиваться поставленной цели, оперируя множеством аргументов.

Она красива. И это основной аргумент. Её фигура – сплетение прихотливых изгибов, намёков и тайных желаний. Взгляд сотрудников (тех, кто по-страусиному не прятал глаза) метался, терялся, разрешая вечную загадку телесной красоты. И это в рабочее время!

Лера – так звучит её имя – уже обладает в мере чуть большей всем тем, что должна иметь стильная красавица:

– длинные стройные ноги (есть! плюс шелковая, приятная для мужской ладони, нежнейшая кожа);

– тонкая лебединая шея (имеется! плюс врождённое изящество движений бесподобной головки с личиком и волосами, достойными отдельных дифирамбов);

– умопомрачительная талия (в наличии! плюс обалденный диссонанс легкой округлости вздрагивающего животика с крепким ягодичным массивом сокровенных прелестей).

Над личиком Леры поколдовали визажисты элитного салона красоты. Коллеги-косметологи, просвещенные тайнами ремесла, могли бы подискутировать, выявить ряд замаскированных процедур, и что в конкретном случае удачно дополнило натуральную красоту.

Причёска и цвет волос менялись с какой-то странной периодичностью, укладывающейся, впрочем, в фазы месячного женского цикла – это уж потом Василий допетрил, когда красотка позволила рассмотреть свои прелести поближе...

В офисе ей определили комнату на двоих с пожилым мужчиной, счастливым супругом, отцом, дедом. Поначалу посадили к работникам женского пола, но сразу начались конфликты. На нечаянных коллег Лера не могла даже смотреть без сожаления. Ну, как можно именоваться женщиной и не быть таковыми на самом деле?! Ни прически, ни умело подобранной одежды, ни умение пользоваться косметикой – ничего путного, ничего не взято из аксессуара уважающей и любящей себя женщины! Так, клуши-идиотки, привязали к себе полудебильных мужиков развитым домашним хозяйством.

Она из чувства сострадания попробовала их мягко поучить. Разобрала по косточкам одежду. Донесла новые веяния из мира моды. С любезной улыбкой изо дня в день разъясняла, как внести разнообразие в облик, не тратясь уж слишком. Демонстрировала искусство макияжа. Предлагала коллекционный набор запахов, ароматов, духов что ли – как кому угодно именовать то, что вносит необычное в образ преподносимый окружающим, и прежде всего – мужчинам. Потому что, если Бог создал человека, то мужчину из него сделала женщина, которой в свою очередь раскрыл глаза первый оппозиционер и возмнивший о себе конкурент всему существу... ну, не будем называть его имя: не ровен час придёт и за душой назвавшего, которая либо жаждет продолжения жизни в другом измерении. И шаг за шагом постигает таинство, как стать избранным для загадочной вечности из тьмы званых... Либо резонно отмечает: в развиваемых рыночных отношениях все должно иметь цену. Как бы ни продешевить!

– А как же любовь? – как-то раз пикнула Настя, обыкновенная молодуха, мамаша двоих детей – учеников начальных классов, и добропорядочная жена.

В служебной комнате они остались вдвоём: можно пооткровенничать.

– I am not understand. Поконкретнее. О чём ты? – Лера заинтересовалась.

– Как! О любви. К чему все эти понты, которые ты расписываешь? Заметят тебя, выберут, пригласят, а дальше... Дальше должна быть любовь.

– Ага! Ходить лунными ночами и взращивать цветок любви... Чушь! Любви нет. Даже не надейся отыскать. Запомни: любви нет. Есть гормоны и генетический код. Нельзя отыскать, чего нет!

– Я же нашла.

– Ты нашла мужа, а не любовь.

– Разве это не одно и то же?!

– Знаешь, если ты начнешь меня парить, что умрешь, когда застукаешь благоверного с другой – не надейся, не поверю ни за что.

– Мой не сможет мне изменить!

– Ха-ха! Слушай, не зарекайся, да и не заморачивайся об этом. Не знаешь, не ведаешь, куда твой муженёк похаживает – и не надо! Чем меньше знаешь – тем крепче семейные узы!

– Мой ни-ког-да, ни при каких обстоятельствах мне не изменит! – Настя нахмурилась, сердечко дрогнуло.

– Да разве это – измена?! Ну, встряхнётся твой мужичок разок с другой. Ну и что? Убудет что ли с него??

– С одной, завтра – с другой. Загуляет мужик!

– Раз так – туда ему и дорога. Зачем за такого держаться?

– Потому что мы любим друг друга. Любим без обмана и приворота.

– Заело у тебя! Давай проверим твоего? Не пройдёт и недели, как он переспит со мной.

Не получится – я вырву свои наращенные ресницы и выброшу в мусор всё свою косметику. Я даже одеваться как следует не буду... Оденусь чушкой-простушкой, как ты. И всё равно он клюнет. Не обижайся на резкие слова. Они относятся не к тебе, а к твоему неухоженному образу.

– Ладно. Хочется посмотреть на тебя без грима!

Настя согласилась и, поправив космы волос, добавила: – К тому же, ты о себе слишком высокого мнения.

Лера определила: спортивный стиль в одежде соответствует задаче по стремительному захвату мужской половины хваленой семьи. Сближает с мужланом Насти. Будет первым шагом в раскрутке на контакт. Остается выбрать одну из психологических уловок.

Как-то она видела их вместе. Благоверный муж с внушительным не по годам пивным животом поджидал свою благоверную в допотопном идиотском автомобиле. Не целуются при встрече. Гм. Да и встречает, не выходя из автомобиля.

«Наш клиент! – Лера усмехнулась, облизнув разом пересохшие губы. – Какие у него интересы: футбол-хоккей? (прикинусь фанаткой того же клуба) Рыбалка? (буду рыбачкой) А вообще – прочь раздумья, может, он готов давно к случайной связи на стороне, благо телевидение (всевозможные ток-шоу, скандальные телеведущие) помогает нам, подготавливает народ к реальному разврату граждан по отдельности».

– Славик! – крикнула Настя мужу, выходя из магазина с огромной сумкой, набитой продуктами. – Чего расселся, как пень, иди, помоги!

Пока Славик вышагивал к Насте, невесть откуда вынырнула Лера, схватилась за ручки продуктовой сумки и с натуральным беспокойством сказала:

– Давай-давай помогу, Настюша. Смотри, сыплется из сумки. – Из сумки действительно посыпалось, когда Лера преднамеренно сильно дернула за ручку. Тут же присела и стала собирать рассыпавшиеся продукты. Подскочил Славик и также стал собирать, а сам скосил взгляд на стройные ножки, которые тут же шевельнулись и как будто невзначай коснулись его руки.

– Привет! – улыбнулась ему Лера. – Вот так всегда! Хочу помочь – и не получается. Пакет с молоком порвался (она его проколола), творог рассыпался (с помощью Леры). Детишки голодными останутся...

– Да вы не расстраиваетесь, девушка. Купим сейчас снова!

– Ну, нет-нет. Как же так! Я рассыпала, я и куплю. Подождите минуточку, я сбегаю в магазин! – Она решительно направилась в магазин, из которого только что вышла Настя. Славик побежал за ней. По мере того, как он приближался, походка Леры становилась всё более сексапильной.

– Куда ты! – крикнула вдогонку Настя и, скривившись от тяжести, потащила сумку в автомашину, кляня себя, что сразу не взяла с собой мужа: ему, видите ли, захотелось дослушать новости с футбольного чемпионата. Вот олух!

А в магазине у витрины с молоком Лера ровно опешила перед десятком сортов молока, не зная, какой выбрать. Подскочивший Славик схватил первый попавшийся пакет.

– Какой вы быстрый, мужчина?! Так нельзя, не глядя! – Одернула Лера. – Посмотрите дату выпуска, вдруг просрочено. Состав продукта также проверить необходимо. Вдруг и не молоко совсем. Нет ли генномодифицированных добавок – тоже проверить, о чём должна быть пометка. Ведь детишкам своим покупаете! Давайте прочитаем, что на упаковке. Кто производитель, из какого региона привезён. Вспомним, не ли там техногенных аварий...

Лера подошла к нему так близко, что он мог ощутить всеми органами чувств её нежную упругую грудь. По тому, как он сглотнул слюну, Лера про себя отметила: первая цель достигнута.

– По-моему, не здесь читаешь. Переверни пакет. Расправь, что там внизу, какая дата? Называй цифры по порядку, – командовала девушка, наслаждаясь властью.

– Тринадцать, точка, два нуля, восемь, точка...

– Ага! Молоко разлито такого-то дня в такой-то час. Но сохранность любого продукта гарантируется правильными условиями хранения... Что-то я не вижу температуру охлаждаемого прилавка. Не подозвать ли нам работника магазина, чтобы он подробнее ответил на наши вопросы по качеству продукта. Нельзя позволять себя дурачить!

– Да ладно, лучше тебя никто не скажет.

– Ты уверен, что лучше меня никого нет?.. В выборе продуктов, как, может быть, и в другом?..

Они посмотрели друг другу в лицо. И вдруг Лера подмигнула одним глазом, потом точно так же – другим.

– Вау! Как классно у тебя получается!

– Можешь так?

Славик попробовал подмигнуть также поочередно, но не получилось. Они рассмеялись, как давние знакомые. Лера еще раз продемонстрировала ему умение подмигивать, похлопав поочередно глазами, при этом длинные наращенные ресницы колебались, как шторы, показывая ровно на мгновение нечто сладостно-запретное.

У кассы Лера взяла, словно невзначай, коробочку презервативов, покрутила в руках – якобы что-то в надписях привлекло её. Со смехом сказала на ухо Славику:

– Давай попробуем. Тут всего три. И все разного цвета и исполнения! – Славик засопел, оглянувшись с опаской.

– Да не здесь же, конечно! Отвези жену домой. Я вон там, на той скамеечке тебя подожду. Скажешь жене, что насадку для рыбалки надо купить. Завтра же суббота. Я знаю, что вы компанией на озера ездите. Так что она ничего не заподозрит. Или не будем брать?..

И, увидев в его глазах колебание, решительно положила в продуктовую корзину эту визитную карточку запретной любви, тут же пояснив Славику:

– Просто, ты мне нравишься. Ты настоящий мужчина. Таких сейчас редко встретишь. А я одна, у меня пока никого нет... Уже не могу терпеть, представляешь! у тебя такое? Мне и надо всего капельку. Так, легкий флирт... Значит, договорились? Я вон той скамеечке посижу. Смотри, не опаздывай. Тебе времени всего полчаса, и я просто-напросто пойду домой...

...В понедельник утро рабочего дня началось обычно. Лера первые пятнадцать минут рабочего времени приводила себя в порядок: корректировала макияж, подбирала в тон платю помаду, разглаживала специальной щеточкой ресницы. Настя, сидевшая напротив, зевала и протирала заспанные глаза, ровно вслепую раскладывала на столе документы, с которыми сегодня должна поработать, и что-то старалась вспомнить.

– Ну, как выходные, коллега? – как бы между прочим спросила Лера, разглядывая брови в зеркальце.

– На даче грядки полола. Трава так и прёт. Надо успевать, скоро ягоды пойдут, огурчики на подходе. Заготовки на зиму будем делать.

– Одна пластаешься?

– Да ты что!? При живом-то муже – одна! Славка у меня так же полет и с лейкой бегают. Дочки помогают... Славка, правда, в субботу на рыбалку с друзьями ездил... Семь килограмм рыбы привез! Окуньки да лещи! Крупные, жирные, как на подбор, – с гордостью сказала Настя.

– А еще что-нибудь привез? – Модная красавица продолжала допытываться с невозмутимостью.

– Что ещё может привезти? – Настюша недоумевала, пожимая плечами.

– Трипперок, например... Для начала.

– Что?!!

– Да это я так, к слову. Ты не циклился на этом.

– Он у меня под контролем. Для меня он прозрачный, как стеклышко.

– Только у этого стеклышка есть две непрозрачные маленькие родинки.

– Чево ты опять?!

– Две маленькие родинки на хорошем пенисе у стеклышка твоего есть. В пятницу вечером ими полюбовалась. Особенно они хороши на нём, когда мальчик у твоего мальчика напряжён и готов лопнуть от желания... Что ж ты муженька на голодном пайке держишь?!

– Да врешь ты всё! Никаких родинок у него там нет. – Настя покраснела и вдруг припомнила: «А ведь и вправду есть, но только одна».

– Вспомнила? Скажи честно: есть или нет?

– Ну, вроде есть... одна. Фу ты, я от сна отойти не могу, ещё ты со своими дурацкими распросами!

– Их две. Красивые родинки на алой головке. Одна сверху, чуть слева и едва ли не посредине, вторая, поменьше, снизу, у самой уздечки! – Лера оторвалась от любования собою в зеркальце. Улыбка змейкой скользнула по устам, звонкий смех ударил Насте по ушам. – Я выполнила то, что говорила. Не зарекайся. ЛЮБВИ НЕТ! Это глупые бредни. Ты ещё глянь на его коленки. Он их в кровь стер, стоя на коленках в известной позе и стараясь показать всё своё мужскую упорство в известном блюзе двух голых тел.

– Ты меня разыгрываешь... – Настя не верила такому коварству и такой быстрой развязке недавнего спора-пари.

– Вечером посмотри внимательно на своего благоверного, понизь пояса... Надлежит быть повнимательнее, чтобы не узнавать интимные подробности от подруг. Я бы тебе ещё насказала, да не буду травмировать тебя, твою простецкую психику.

– Какая ты мне подруга!? Ты – стерва, змея подколотная! – Настя в слезах выбежала из рабочей комнаты.

А появилась только через час.

Она вошла с горящими ненавистью глазами, прикусив дрожащую нижнюю губу, с ходу двинулась прямо к обидчице, чеканя шаг, замахнулась – и взвыла от боли. Предупреждая пощечину, Лера отработанным движением пнула острым носком модельной туфельки в голень, ближе к коленному суставу. Видимо, она уже бывала в подобных передрягах, и знала, что такое праведный гнев обманутой супруги.

– Вон отсюда! Вон! Я тебе говорю! – сквозь боль и хлынувшие слёзы выкрикнула Настя, Превозмогая боль, плюхнулась на стул. Руки со страхом тронули ушибленную ногу. Горячие слезы капали на эту же ногу, вскоре нога стала такая мокрая, как и лицо. Слезы жгли несмываемым позором. Впервые ей так обидно и горько.

– Дура! Что, сбегала к ненаглядному?.. Представляю, что там у вас! Рассмотрела писюлечку?! А колени смазала зелёной? – Лера расхохоталась и, покачивая соблазнительными бедрами, вышла из комнаты.

Выйти-то вышла, и приостановилась, аккуратно затворив дверь. Рабочий день в разгаре, из-за таких дурищ собственное производственное задание под срывом. К тому же удобный случай испытать начальника! Минуту поразмыслив, она пофланировала в секретариат, где пощebetала с двумя прикольными (для неё) секретаршами и накатила, снова как бы между прочим, докладную записку начальнику отдела: «Такая-сякая вследствие семейных неурядиц создает нервозную обстановку, нерабочую ситуацию, не даёт плодотворно работать. Только что оскорбила не столько меня, сколько кодекс трудовой этики... Прошу оперативно разобраться и принять соответствующие меры».

Написала, прочитала, усмеялась – и с удовольствием положила докладную в почтовую папочку начальника. Тут же упростила секретаря занести папку, так как дело у неё срочное и отлагательства не терпит.

Начальник вскоре вызвал обеих к себе на ковёр.

Две ошетилившиеся кошки готовы пустить в действие острые когти прямо при нём. Одна с холодным блеском насмешливых глаз, другая – с затаённой болью и нарастающим горем. Установив причину конфликта: женские склоки в рабочее время, он, представительный мужчина среднего возраста, с проблесками раннего серебра в красивой шевелюре выющихся и аккуратно постриженных волос, усмеялся себе в ус и, как властью оделённый, нахмурился.

После короткого раздумья твёрдым голосом объявил решение: обеих лишить премии за месяц (а это четверть зарплаты), и пересадить Леру в другую комнату. И – никаких разборок.

При выходе из кабинета Лера нарочито быстро шагнула в проём двери кабинета, прижала Настю к косяку, сощурившись от преисполнявшего злорадства и презрения. Посрамлённая жена с силой оттолкнула соперницу, которая, тут же схватившись за якобы ушибленное колено, обратилась к грозному шефу:

– Эдуард Викторович, прошу зафиксировать истинного виновника конфликта и лишить премии только её! Иначе прошу засвидетельствовать несчастный случай на производстве без потери трудоспособности. Или даже с потерей. Доктора мне! Докторааа!

– Не доктора тебе, а роту солдат, чтобы поймали тебе сразу все, – прошипела Настя.

– Напугала?! Это на твою лоханку и одного комара достаточно!.. Спасибо скажи: хоть чему-то твоего Славика обучила, кобелину твоего неотёсанного.

– Коллеги, прекращаем трения! – прикрикнул Эдуард Викторович.

– Так будет доктор или нет? – Лера повернулась к нему. – Если в вашем присутствии работница неадекватно ведет, что в отсутствие?! Требую ужесточить наказание.

– Будет-будет. Оставайтесь, Валерия Александровна. Придётся с вами провести дополнительную беседу. А вы, Анастасия Петровна, немедленно приступайте к работе. Мы должны ощущать себя единой командой, а не разводить дразги и склоки!

Лера осталась и уселась напротив начальника, закинув ногу за ногу.

– Какого доктора тебя надо? – Эдуард Викторович сменил тон с приторно-пафосного на игривый. – Фельдшер на добровольных началах не подойдет?

– Фельдшером я и сама могу быть. На мне этого мало.

– Чего «этого»?

– Второстепенного.

– Может быть, предложить моё кресло?

– Мне достаточно быть рядом и, как вы сказали, «ощущать себя единой командой».

– Команда команде рознь.

– Я играю в высшей лиге! – Лера перекинула ноги, не спуская с начальника пристального взгляда.

– Вы доучивались в Америке. Как попала в Штаты?

– По студенческой линии.

– Большинство наших студенток там и остались.

– Они остались на второсортной работе. А чего хочу я – повторять не буду.

– Энергии у тебя через край!

– Которая исходит из желания быть полезной!

– ОК! Дополнительную обязанность тебе хочу вменить. – Эдуард Викторович потерев мочку уха.

– Слушаю вас внимательно.

– Не знаю почему, но мне хочется говорить откровенно. Сама понимаешь, о нашем разговоре никто не должен знать (Лера кивнула). Дело в том, что наше предприятие может очень скоро прекратить деятельность и начать работу в новом качестве. По неафишируемой информации одна из госкорпораций разворачивает коммерческую деятельность. Намеревается взбудорить производство частной инициативой. Есть возможность поучаствовать и нам. Избранным из нас. Конкуренция здесь очень высока. Это может стать нашей золотой жилой, скважиной чистого золота! Многие хотят стать в одночасье богатыми. Шанс вот-вот выплывет! Здесь главное – правильно внедриться...

– Присосаться! – У Леры заблестели глаза. – Пардон, перебила вас. Я согласна. Я понимаю с полуслова. Я так полагаю, что прошли времена, когда нужен гранатомет и автомат Калашникова, чтобы устранить конкурентов. Теперь кровавая битва умов и за умы или умишки. Тотальная трансформация сознания... С чего начать? Хотя, как вы убедились в ситуации с Настей, уже начала.

– Пока твоя задача – подобрать команду верных людей, готовых выполнить любое указание, решить любую задачу в кратчайшее время. Много не надо: человека три-четыре. Главный критерий отбора: никакой советскости, никаких нравственных соплей. Как видишь, у меня чисто деловое предложение. Перспективы настолько впечатляющи, что даже не предлагаю тебе стать любовницей. – Эдуард Викторович призадумался, обзревая шикарные ножки: «Пока не предлагаю».

Лера это заметила, не подавая виду, сказала:

– Здесь есть нюанс: голова варит как раз хорошо у тех, у кого есть какая-либо нравственность. Надо суметь манипулировать подобными интеллектуальными донорами, то бишь мотивировать. Но негодяи тоже нужны.

– Не сомневаюсь, ты справишься! Под моим неусыпным руководством.

– Безусловно! Я вас поздравляю с успешным началом! Вы сделали правильный выбор.

– Остаётся скрепить слова поцелуем.

– Позвольте для начала деловым рукопожатием. – Лера улыбнулась. Её холеная ладошка крепко сжала ладонь обозначившегося шефа.

Сохраняя лицо, Эдуард Викторович, рассадил повздоровивших коллег Валерию Александровну и Анастасию Петровну.

Так Лера стала делить рабочую комнату с безнадёжно пожилым мужчиной, счастливым отцом, мужем, дедом. Она также предваряла рабочий день пятнадцатиминутной косметической процедурой и поглядывала вполглаза на нового коллегу, то ли прицениваясь, то ли размышляя над новым поворотом судьбы.

Что чему причина? Когда начнется её история жизни? Она записала в блокноте какого дня это произошло, в каком часу, и какой был день недели – и, словно просвещенный магистр магических наук, искала тайный знак. Искала ключ к пониманию жизненной ситуации. Нет ли подставы в секретном задании начальника?

Она верила в темную и светлую магию цифр, знаков, примет. Дома среди небольшого количества книг были и такие: Мэнли П. Холл «Энциклопедическое изложение масонской, герметической каббалистической и розенкрейцеровской символической философии», двухтомник доктора Папиус «Практическая магия» (репринтное издание 1912 года), специальная методическая литература с зашифрованной информацией между строк.

Лера знала, что магия не делает ничего сверхъестественного. Она ускоряет нормальный ход явлений в природе живых существ. Магия – суть и методы применения усовершенствованной, «динамизированной» человеческой воли для ускорения развития живых сил природы. И главное: прежде, чем управлять силой, заключённой во внешнем живом существе, – будь то человек, животное, растение, необходимо научиться управлять самим собой – без этого бесполезны все молитвы, заклинания, магические формулы...

Поэтому она так же, как индийские факиры (одно из её упражнений), развивала способность владеть гиперфизическими силами. Она ставила горшок с растением с тугим бутонем перед собой, сидящей голой на полу. Направляла на цветок сосредоточенный взгляд вместе с указующими пальцами рук. Застывала и немела в этой позе, концентрируя себя и генерируя те самые загадочные флюиды, которые здесь мощным потоком устремлялись к цветку. По прошествии некоторого времени, измеряемого порой часами, бутоны распускались, рождая цветок, который, едва только расправив лепестки, тут же никнул. Лера возвращалась в свое первоначальное состояние и видела растение с осыпавшимися лепестками. Это её озадачивало: какой силы в ней больше? Темной? Светлой? Засохни цветок сразу – сомнений бы нет. А тут...

Первое время на новом рабочем месте Лера сидела тихо, как мышка, которая не решается выйти из норки. Но якобы любопытство перебарывает, и ей снова хочется переродиться из серой мышки в грациозную львицу.

Она обращала на коллегу воистину магический взор. Она, владеющая методикой динамизации воли, примеривалась к пожилому мужчине, как к невольной мишени. Позабавиться, подурочить его или сделать помощником в тайных намерениях? Останавливало, что перед ней сидел исторический советский человек. Заморозить бы его для будущих поколений. Пусть прямоком попадёт в коммунистический рай или ад. Хотя круги ада можно устроить и сейчас. Это в легкую.

Как-то Лера подошла близко к коллеге, чтобы ощутить кожей флюиды его внутренней психической составляющей. У советского человека она очень сильная! Она со сладостью ощущала себя вампиром. Её взор из рассеянного постепенно концентрировался, прояснялся и наполнялся неведомой силой. И ровно как вспышка молнии озарила их лица. Ошеломлённая Лера отпрянула назад – на тонком с горбинкой носе сослуживца он увидела две маленькие роковые родинки. Точно такие же, как у Настинного супруга. Одна из них чуть больше на гребне горбинки носа, другая, поменьше – на краю его основания. Только здесь родинки разместились на носу.

– Вы испачкались, – с обаятельной улыбкой сказала она. – Посмотрите в зеркало. У вас на носу два пятнышка, наверное, от тонера ксерокса. У вас... или теперь у нас всегда так мажет ксерокс?

Владимир Владимирович взглянул в зеркало, тут же предложенное Лерой.

– Это родинки. Они почему-то темнее остальных. Странно даже... У вас острый взгляд, никто мне об этом не прежде говорил... Но что тут особенного? Есть и есть...

– Да не скажите, – мягко возразила Лера с плотоядной улыбочкой. – Не хотите попробовать настоящий чай Сяй Чжун с горы Чжэн Шань? Так сказать, в ознаменование нашего соседства в этом казенном помещении. Поговорим о китайской чайной церемонии...

2. Неожиданный Сен-Санс

Три дня Лера ощущала себя очарованной обаянием советского человека, каковым раскрывался ей Владимир Владимирович. Чайные церемонии проторили дорогу в его сердце и память, и она сумела углядеть цельную личность с жаждой беззаветно служить высокому идеалу. Её это забавляла, но виду не показывала.

На четвертый день решила сбросить пленяющее оцепенение и взялась за отвратительную работу: отдраить чайник и помыть чашечки и блюдечки, свои и любезно – Везв (Владимира Владимировича).

По обыкновению наслаждаясь довольством собой с одновременной практикой «разделенного внимания», плавно поплыла в комнату приёма пищи, где принято мыть посуду. Вдруг прямо перед ней с треском распахнулась дверь точно такой же, как у них, рабочей комнаты, и выскочил взъерошенный молодой человек в сером элегантно костюме, в котором бордовые полоски верно сочетались с такого же оттенка галстуком на фоне белейшей рубашки.

– Простите, я вас, кажется, напугал.

– Меня напугать невозможно, – с усмешкой отчеканила Лера, метнув взгляд на табличку, закрепленную на дверях за спиной нового знакомого: «инженер-конструктор».

– Почему? – с немалым удивлением сказал молодой инженер-конструктор.

– Потому что я ничего не боюсь.

– Любопытно! Красивая девушка. Безупречный, я бы сказал, эталон женской красоты. Вдобавок имеете черный пояс по самбо?

– Что я имею, то не скажу. – Она удостоила собеседника надменным взглядом, в котором вдруг пропала надменность и установилась особая рассеянность, когда смотрела краешками глаз.

Взор её пленительных глаз из рассеянного постепенно концентрировался, прояснялся и наполнялся неведомой силой. И – ровно как вспышка молнии озарила их лица. Ошеломлённая Лера отпрянула назад – на интеллигентном фэйсе случайного знакомого, там, где брови сходились к тонкому носу, снова увидела две маленькие роковые родинки, которые соседствовали рядом! Одна из них чуть больше была ближе к переносице, другая – поменьше – чуть выше. Родинки точно такие же, как на пенисе дуралея Славы, как на носу у породистого Везв. Три совпадения – роковая цепочка замкнулась! Снова найдена точка приложения сил. И выполнено первое задание начальника.

Лера воспрянула: подбираемая группа отмечена особыми знаками! Это значит, её приход в офис ООО «РСС» сулит большие перемены и выгоды!

– Как тебя зовут, дружок? – Лера в мгновение повеселела.

– Вася. Э-э... Василий Петрович! Вот как.

– Оставим этих Петровичей лет на десять, хотя ты и постарше меня в половину этих лет. Угадала? (Вася заморгал, как в нервном тике, оборвав его кивком).. Сначала сказал правильно: ты – Вася, так пусть и будет. Я – Лера. Ты хочешь... – Она на мгновение призадумалась, припоминая, что не далее как вчера видела такой же серый костюм в бордовую полоску у стенда, на котором размещают афиши и прочие анонсы выходного дня. На одной из афиш она мельком коснулась крупного заголовка «филармония» и тут же скривила губы. Да-да, как раз напротив стоял такой же серый костюм в бордовую полоску! – Хочешь составить мне компанию сходить в филармонию на симфонический концерт?

– Вы слушаете классическую музыку? – с растущим удивлением произнёс Вася.

– А что?! Разве по мне видно другое? – Она сделала многозначительную паузу, отступив на шаг назад и являя себя обозрение. Прodelала несколько пассивных движений рукой, выгнула спину, словно потягиваясь и разминая мышцы производственной гимнастикой, и оголила прелестную

легкую выпуклость живота. – Я раньше частенько бывала на концертах... разных... с подружкой мы хаживали. Теперь она мамашкой стала, и ей недосуг... Так что там анонсируют? Моцарт?

– Нет. Сен-Санс. Второй концерт для фортепиано с оркестром.

– У-ууу! Wow! Замечательно... Фортепиано!!! Оркестр в нагрузку?.. Мне нравится фортепиано – это точно! Оркестр переживу... Так идём или нет?

– Разве таким девушкам можно отказать?! Идём, если это ваше искреннее желание.

– А какое ещё? Я всё делаю искренне... или почти всё. Но, чтобы ты что-то там склизкое и нехорошее не подумал, – как в том анекдоте про пианино: мол, за что ни возьмись – одно и то же получается, – будто бы клеюсь, тыры-пыры в этом роде... Билеты покупаешь ты, трансферт – мой. Мне просто удобнее идти в компании с интеллигентным молодым человеком и, думаю, тебе тоже. Одной надоело ходить: мужики головы сворачивают, клеются, раздражают, мешают... надоело отшивать их! Понятно объяснила?

– Безусловно! Не думал о такой спутнице и не мечтал.

– Какой такой?! Мы можем быть только друзьями. В любовь я не верю. Любви нет. Ты давай, дуй за билетами. Комнату мою заприметил? Заходи, покалякаем о том, о сём. В телефон загрузишь мой номер. Правда, я там не одна, с Веев... ну Владимиром Владимировичем. Да нам всё равно.

– Вам повезло с напарником. Владимир Владимирович – подлинно ведущий инженер. Он много сделал для функционирования электронной системы обеспечения производства, что для него поначалу в диковинку, ведь он целиком советский человек. И многое другое, что сделал...

– Мне всегда везёт. Потому что я этого хочу.

На концерт Вася и Лера выехали сразу после работы. У Леры была красная «Мазда-6», поблескивающая свежей краской, которая так и взбрыкивала от легких прикосновений к акселератору, норовя рвануть в запредельную даль.

Жили они в небольшом городке в семидесяти километрах от Е-бурга – центрального города Среднего Урала, и не только его. Сам городок, откуда они гнали по добротному шоссе, отнюдь не провинциальная захудалая дыра – это был некий наукоград с наукоёмким производством на берегу живописного озера с протяженностью акватории в сорок километров.

Вася с опаской поглядывал на спидометр: стрелка порой клонилось вправо до критических отметок, и, наконец, урезонил:

– Ты всегда так быстро едешь? Мы вообще-то успеваем.

– Я не смотрю на спидометр, а еду по дорожной ситуации, по ощущениям управляемости. Смотрю на стрелку, когда запищит антирадар. И успеваю сбросить скорость до встречи с синезелёными братьями.

– Рисковая ты!

– Нисколечко не рискованная. Всё просчитано, обосновано и под контролем. Расслабься и получи удовольствие от быстрой езды. Вот сейчас мы взлетим на пригорок, а дальше достаточно резкий спуск, чтобы появилось ощущение, как будто проваливаешься в воздушную яму. Не успеет пройти это ощущение – снова подъём. Снова пологий склон, на который будем взбираться, резко ускоряясь. На вершине убираю ногу с газа и ставлю на нейтраль – машина летит, как пёрышко. Я иногда ору от удовольствия! Хочешь, попробуем вместе? Дорога сухая – можно разогнаться до офигенной скорости, взлететь на гору, как на трамплин, а дальше ощутить ускорение свободного падения... Чего молчишь? Что, драйв – не твоя стихия?

– Если в нём нет смысловой подоплёки, то зачем? Просто получить острое ощущение?

– Да! Я живу ощущениями. Возбуждение, полёт, релаксация, сон, потом снова стряхнуть оцепенение.

– Это хорошо, когда нет глобальной цели.

– А что, у тебя таковая есть? Ну, ты ваще удивляешь!

– Она есть у каждого, однако мы понимаем это слишком поздно.

– Фу, какой ты умный! Впрочем, глобальная цель есть у меня. Это сделать всех!

– Не понял.

– И не пытайся... пока не пытайся! Если хочешь поумничать, расскажи что такого глобального у Сен-Санса, кто он вообще в плане музыки. Я-то на Моцарта больше западаю! – Хитринки заскакали бесенятами в весёлых глазах.

– Это с удовольствием. – Василий устроился поудобнее в кресле.

– Значит, так. Родился Сен-Санс в Париже в начале октября 1835 года, а в конце декабря этого же года умер отец. Малютка, значит, остаётся на руках двадцатилетней матери и двоюродной бабушки. Эти две женщины, взявшись за его воспитание, вложили в него, пожалуй, всю свою нежность, нерастраченную и неутолённую жажду любви – это трансформировалось в гармоничный и стойкий характер будущего неординарного человека. Причём, обе женщины были связаны с искусством: мать – художница, бабушка – пианистка. Мальчик рос хрупким и болезненным, и был «чудо-ребёнком». Вундеркиндом по-нынешнему. На третьем году жизни бабушка научила его играть на фортепиано, а в три с половиной года малютка стал сочинять собственную музыку. Сочинять – потому что был наделён абсолютным музыкальным слухом. И многое, как оно звучит ему, видимо, не нравилось или озадачивало. Например он, малыш, мог усесться у чайника и услышать во вскипании воды бездну новых звуков, полифонию музыкальных инструментов, а в симфоническом оркестре услышать фальшь – и так во всём. Самые разнообразные интонации жизни становились интонациями музыки. В возрасте пяти лет был представлен знаменитому художнику Энгру, который оказал на него, как утверждают биографы, фундаментальное эстетическое влияние (это штрих к тому, как красота может управлять миром). По мере развития дружбы стареющего художника и юного композитора, художественное кредо Энгра легло в основу музыкального кредо: в двух словах, это основополагающий стержень линии и рисунка уже в музыке в многозвучном колорите окружающего, находящегося в подчинительном отношении. В отличие от импрессиониста Делакруа. Помимо музыки, у мальчика был живой интерес к естествознанию. Он собирал насекомых, растения, сопровождая коллекцию собственными рисунками, выращивал цветы, гусениц, наблюдал в бинокль фазы луны. В возрасте восьми лет отдал в обучение фортепианной игре известному пианисту и композитору. Итогом трехгодичного обучения стал большой концерт в знаменитом парижском зале – успех был колоссальный, подхваченный и развитый прессой, и стал началом концертной карьеры, дошёл до королевского двора и состоялся концерт «ребёнка-виртуоза» в Тюильри, где заслужил хвалу от высшей аристократии. Кстати, предки Сен-Санса – крестьяне. Его дед был мэром, смешно сказать, деревни... Вопрос, до сих пор нерешенный: «Где корни аристократов духа?»... В возрасте тринадцати лет Сен-Санс поступил в Парижскую консерваторию в класс органа Бенуа. После пяти лет успешной учёбы получает место органиста в небольшом храме на берегу Сены. В этой должности пробыл снова пять лет, отдавая всё это время самообразованию и профессиональному совершенствованию... Все биографы Сен-Санса отмечают, наряду с громадным дарованием, и феноменальное трудолюбие. Его дарование признают и напутствуют на большее Лист, Берлиоз, Гуно. Затем, в связи с отставкой органиста храма св. Магдалины, Сен-Санс был приглашен на эту должность и занимал её двадцать лет. Этот храм расположен в центре Парижа, недалеко от площади Согласия, и в то время был самым светским, роскошным и посещаемым. Соответственно, материальное положение композитора качественно улучшилось. Он купил отличную подзорную трубу и стал наблюдать за небесными телами из окна новой просторной квартиры, и это вызвало

много кривотолков о «странном» увлечении композитора и органиста. Игра на органе приносила много радости. Он не вкладывал в строгие импровизации религиозной экзальтации, но увлекался и увлекал стилистическими возможностями органной музыки, делал «невозможное возможным» – это слова Листа, который также назвал его «первым органистом мира». Но, тем не менее, сочинял Сен-Санс светскую музыку. Вот тут и следует остановиться на Втором фортепианном концерте, как на одном из самых популярных сочинений. Эту музыку можно переводить на наш естественный язык так же, как переводят книги с одного языка на другой. И, если это сделать, то получится примерно так. – Вася глянул на сосредоточенную Леру, убавившую скорость автомобиля.

– Продолжай, мне интересно.

– Начало концерта вводит в скорбные и суровые размышления о некоем довлеющем роке, о жажде отринуть его и вырваться, перебороть. Но что-то не получается, всё больше скорби слышится как в величавых органных фугах, так и в робких наигрышах точно закомплексованного соло. Но потом, словно проблеск фантазии, идут один за другим виртуозные пассажи фортепиано, меняя тональность и выбивая нас из прежнего настроения. В противовес идут с разгоном тяжеловесные басы и аккорды первой темы. Начинается переключка фортепиано и оркестра, как точно – борьба светлых и темных сил. Здесь потрясает грациозность отдельных фрагментов и мощь органной темы в полифонии оркестра... И совершенно неожиданно начинается стремительный и легкий взлёт, идут друг за другом яркие пассажи совершеннейшей техники пианизма. Это захватывает и уносит от так же притихшего, словно изумленного оркестра, от смелого соло, потрясающего и техникой исполнения, и музыкальной эрудицией, и эдаким звоном и жужжанием серебряных звуков, складывающихся в победоносную гармонию. Однако оркестровые гаммы перебивают изящное соло. Идут тембровые переключки, перебивка литавр, смена ритмов, фактуры, выказываются оркестровые оттенки, словно перекликаются и набирают силу те самые темные силы. И соло как будто тушется. Та роль, что отведена как драматическому персонажу, снова возвращает к трагическим нотам и стихает, – слышим одну могучую полифонию оркестра. Казалось бы соло навеки задавлено, захвачено и подчинено с отведением четкой роли в оркестровом звучании. Яркой индивидуальности больше нет, она раздавлена – вопреки всему стремительная тарантелла вырывается из сухого блеска оркестра. Ещё быстрее упругое соло уносится к обрисованной фантазии, которая обретает всё более осязаемые черты. К солирующему фортепиано благолепно наслаиваются звуки деревянных, валторн, присоединяются струнные – теперь фортепианное соло дирижирует: все инструменты подстраиваются под него. Само фортепиано мощными ударами аккордов, подхватываемыми духовыми инструментами, воспринимается как колокольный благовест, и начинается весёлый праздник, в котором нет и следа первой скорбной темы... Ну, вот, это если вкратце о Сен-Сансе и о Втором фортепианном концерте, – Вася повернулся и внимательно посмотрел на Леру.

– Ты увлек незнакомой темой, дружок! Ты говоришь интересно – проверим: так ли на самом деле... Знаешь, у тебя приятный голос: тембр, интонация, спокойствие и мягкость, но я чувствую, что у тебя есть сильная воля... хотя она чем-то скована, ты не проявляешь себя до конца. Мне это становится даже очень интересным. Скажи, откуда у тебя такие познания в музыке? Ты, случаем, сам не музыкант?

– Немного играю на гитаре. Знаю нотную грамоту. Музыку люблю, ну и, соответственно, интересуюсь творчеством тех, кто в этом гениально преуспел. Как говорится, уж если за что-то браться, так за лучшее.

– В том числе и за девушек, не так ли? – Нежные губы тронула лукавая улыбка. – Есть у тебя девушка?

– Была...

– Что значит – была? Умерла, убили?

– Нет. Просто пропала. Разошлись дороги. Даже не знаю, где она сейчас.

– Не беда: дороги сходятся и расходятся, и даже параллельные линии пересекаются... Забыть никак не можешь?

– Не могу.

– И правильно. Ничего нельзя забывать. Но и путать прошлое с настоящим тоже нельзя.

– Это в каком смысле?

– В смысле: очнись на мгновение, ведь оно прекрасно и больше не повторится! – Лера тряхнула волосами, и её аромат окружил Васю, проникая во все его щелочки.

В фойе Филармонии многолюдно. Лера взяла Василия под руку, и они стали прохаживаться в сверкающем свете хрустальных люстр по широким вестибюлям, устланными немислимо антикварными на вид ковровыми дорожками. Стены в резных канделябрах; подобие колонн вносило оттенок помпезности и значимости творимого здесь действия. Художественно исполненные стенды, повествующие о музыкальной жизни с царских времён и поныне, рождали странно волнующее ощущение причастности к этой высшей духовной ипостаси – музыке, пронизывающей все времена.

– Слушай, здесь интересно! – воскликнула Лера. – На мой взгляд, это клубное сообщество. Очень много сар и абрамов. Смотри, многие здороваются вежливым поклоном. Какие-то короткие разговоры, улыбки. Смотри, у большинства дам настоящие драгоценности! Вон та ходит с бриллиантовым колье... А какие шикарные платья! Это что, парад мод? Приехали себя показать, проветрить дорогие наряды. Что же ты раньше не сказал, я бы оделась в вечернее платье получше.

– Разве может быть ещё лучше? – От удивления Вася приостановился. Вгляд как дождь прошелся по фигуре, смывая сомнения.

В легком, как туника, голубом одеянии она, казалось, вышла из гримёрной волшебницей-феей. Вышла поискать, на кого бы обрушить свои чары. Волнистые волосы пепельного цвета стекали далеко по спине, подчеркивая наготу хрупких плеч и тонкой изящной спины. Вспыхивающий огонь в её магических глазах сопровождался трепетом наполовину обнаженной, напрягшейся в сладостном предвкушении, высокой девичьей груди. Плавная поступь стройных ног столь полувоздушна, словно шла она по раскалённым углям мужских взглядов.

– Ты – красивая... бесподобно!

– Я могу быть ещё красивее! Положи руку мне на талию. Мне так приятнее, да и глазеть на нас будут поменьше. Мы будем как влюблённые... хотя я в любовь не верю!

– Почему? Я напротив – верю.

– Я допускаю любовь с первого взгляда, как исключение. Потому что в этом случае любовь приходит неожиданно, как дар свыше, и раздумывать некогда и нельзя. Разные там ухаживания, цветы, встречи-провождения говорят лишь о том, что время упущено, что идут поминки по любви, но никак не её развитие. Или говорят о том, что люди привычкой приучают себя друг к другу. Это скучно, это не любовь...

Был дан второй звонок, и Вася препроводил Леру в зал. Под аплодисменты вышел дирижер, и началось то самое музыкально-театральное действие, о котором в стремительном автомобиле увлечённо рассказывал Вася.

Лера слушала с обострённым вниманием, с каким-то милым сосредоточением. Ей самой хотелось что-то понять и уяснить в музыке, которой полтора века. Она горячо аплодировала и несколько раз крикнула «браво». Рассказ Василия подтвердился. Классическая музыка – точно книга символов, бездна знаний и знаков высших истин.

После заключительного аккорда, когда всё ещё звенели фанфары праздника, полный зал в поразительном единодушии подхватил жизнерадостную концовку собственным ураганным аккордом бьющихся друг о друга ладоней, и мощная волна ликующих возгласов волнами кру-

жилась по залу, набирая силу, и затем лавиной неслась на сцену. Лера вдруг поцеловала Васю, отстранилась, улыбнулась и сказала, как могла громко: «Спасибо!»

В машине Лера пояснила благодарный поцелуй, откинувшись на спинку сидения и уютившись в его правильную и тщательно подобранную ортопедическую форму:

– Если бы не ты, я бы не пошла на подобный концерт. У меня были другие стереотипы понимания классической музыки. Я рада, что ошибалась: это не скучно. Но здесь также надо думать, что-то интуитивно соображать.

– Тебе противопоказано думать и размышлять в нерабочее время?

– Смеёшься?! Считаешь, если шпильки на туфлях в двенадцать сантиметров, значит, мозги куриные?

– Да нет же! Хотя это удивительно.

– Кстати, поддержи эти туфли. В машине я одеваю другие, для удобства управления: мы же поедem быстро! Можешь засекаеть время: ровно через полчаса ты будешь стоять у дверей своей квартиры. В бардачке пакет – туфельки положи в него, а мои коронные кроссовочки всегда под моим сидением... Так что из стильной красавицы я сейчас превращусь... сейчас превращусь... думаешь – в кого?

– В ведьму!

– Угадал!.. Что-о-о!? Что ты сказал?!.. А вообще-то, как ты посмел такое сказануть? Я – ведьма!? Ты хочешь меня оскорбить?.. В первый же вечер оскорбить? Ты хочешь, чтобы этот вечер стал последним?

– Нет, нет-нет. Ляпнул не думая. Прости. Ты – волшебница. От тебя исходит магическая сила.

– В самом деле?

– Я это даже кожей чувствую, с закрытыми глазами.

– Проверим сейчас, как ты покоришься моей воле. – Она повернулась, обратила свои глаза в его глаза и долгую минуту собирала и прессовала во взгляде свои тайные мысли, выискивая брешь в его внутренней защите. Затем с легкой улыбкой и царственным величием протянула руку, через которую также шла её воля.

Василий, завороженный сиянием глаз чародейки, коснулся губами длинного среднего пальца с нанизанным перстнем, сверкающим в полутьме. Лера резким движением вонзила ноготок чуть повыше верхней губы – и капелька крови обагрила и ноготок и губу.

Боли нет. Станный привкус крови опалил горло. Лера с той же улыбкой поднесла ноготок к своим губам и размазала капельку крови по алому рту, поверх блеска помады. Затем она снова поднесла палец к месту укола. Губы зашептали странные непонятные сочетания слов – ранка на губе мгновенно сомкнулась.

– Не испугался? – со смехом спросила Лера и, не дожидаясь ответа, нажала на кнопку пуска автомобиля и резко утопила педаль акселератора.

Автомобиль, как выпущенная из тугого лука стрела, понесся по городской дороге...

3. Переписать судьбу

Красная «Мазда» летела по городу без остановки. Лера подбирала такой скоростной режим, чтобы не выпасть из «зелёной волны» светофоров, то притормаживая, то ускоряясь. Ночная мгла окружившая дорогу, поубавила участников дорожного движения настолько, что порой некоторые участки улиц элегантно авто проносилось в абсолютном одиночестве, словно улица, асфальт, фонари были сделаны только для них, что, впрочем, так и в представлении бескомпромиссной девушки.

Сияя косметическим шармом, имея в резерве эскадроны ретивых лошадей, четырёхколёсный друг словно расправлял крылья – рвался ревностно исполнить волю водителя. И это возбуждало Леру. Однако громоздившиеся вдоль обочин сумеречные исполины домов, ограждение, разметка, знаки слегка охлаждали её страсть к дикой скорости, и она упражнялась в заливчатских обгонах, стараясь не причинять никому помех, и в то же время самой лететь в авангарде, лететь на зелёный огонёчек трехглазого регулировщика.

Выбравшись за город на трехполосное одностороннее шоссе она, не теряя ни секунды, включила форсаж болиду цвета свежей крови. От резкого ускорения Васю вдавило в кресло, и он словно подавился воздухом свободы и простора, ворвавшегося в приоткрытое окно.

– Закрой окно! – скомандовала Лера.

Эта её воля без промедления закрыла окно руками попутчика, который не мог сопротивляться здесь, в её управляемом снаряде. Василий, с затаённым дыханием и расширенными глазами, когда включается и боковое зрение, устремился вслед за ярким светом фар. Ему чудилось, что машина съезжает с дороги. Но нет, кругом же лес! Высокие сосны, заслоняющие звездное небо. Величественная Луна то и дело показывалась из-за крон деревьев. Направленный поток света фар выхватывал из какой-то пылевидной темноты очертания дороги. Там, где на придорожных столбиках были свет возвращающие полосы, две вспыхивающие линии протачивали во мраке слабые ориентиры пути и были точно сигнальные разметочные огни взлетно-посадочной полосы аэродромов.

Василию вдруг показалась, что вот так всю жизнь он будет мчаться по едва приметным ориентирам, предупреждающим преждевременный съезд за обочину с жизненного пути. Перед поворотом число указующих полосок, их яркость, зримость, очевидность увеличивалось, и Лера, порой не сбавляя скорость, мастерски проходила их, чуть подруливая, тем самым балансируя едва ощутимым креном разогнанного кусочка жизненного пространства.

А когда они выходили на прямую, ориентиры терялись, и они летели в серебряном туннеле из собственного света фар. Одно неверное движение, помноженное на величину созданной скорости – авто протаранит вековые деревья и скалы.

Как раз на просторе сглаживался ход летящего авто, и Василию чудилось странное – что они растворяются во тьме, что тьма проглатывает их, и даже потяжелевший диск Луны потворствует этому. Сам фосфорический лунный свет представился светом обосновавшихся на бледном спутнике Земли полумертвых душ.

Эти души преждевременно ушедших людей, не прошедших положенный круг жизни, постоянно вызывают к вниманию. Их чувствуют звери, что воют на Луну. Их чувствуют люди, выпавшие из канвы традиций реальной жизни. Потому что всем им страшно за их неприкаянность, и ужасает то, что эта полудуша снова хочет вселиться в любое живое существо, чтобы до конца пройти цикл своего развития. Тем, в чьё тело вживется чужая идея, придётся решать, исправлять чужие ошибки, довершить то, что не сделали они.

И так будет всегда. Тьма убиенных, замученных, казненных от собственных преступлений самоубийц, не совладавших и запутавшихся в жизни, – они кружат, как ветер, что бьет по стеклам окон, что бросает пригоршни снега в лицо. Они ждут и жаждут своей минуты

воплощения, ведь небеса для них закрыты. А люди, как подопытные кролики, умножают несуразность, путаясь во тьме нерешённых проблем... Лера, словно чувствуя мистический страх попутчика, добавила громкость радио. Бодрый ритм заполнил салон. Лера улыбнулась: эмоции попутчика ведомы ей и ведОмы...

По прошествии получаса, как и обещалось, автомобиль плавно припарковался у дома.

– Я под впечатлением от дороги, – сказал Вася, прогоняя раздумья.

– Это следствие впечатлений концерта.

– У меня есть тот же самый концерт на виниловой пластинке. Соло на фортепиано исполняет Эмиль Гилельс. Был такой знаменитый пианист. Знаешь?

– Ну, как тебе сказать... Знаю – не то слово. Вот ты сказал, и я уже знаю, но знаю ли я как должно, в том знании, что у тебя – вот этого не знаю!

– Ты хочешь сказать, что хочешь посмотреть эту пластинку? Что-то я сказал, не пойму и что...

– А что тут говорить? Мы с тобой в одни и те же слова вкладываем разные значения. Пока это нормально... Пойдём, посмотрим, оценим.

– Я живу один, квартира родителей, – сказал Вася на пороге дома и, предупреждая вопрос, пояснил: – Родители у меня умерли. Два года назад. Сначала мама, потом через полгода и отец ушёл. Так вместе их и похоронили.

– Болели?

– Мама болела. Тяжело болела... Отец после её смерти как-то сразу сдал... затосковал что ли.

– Запил?

– Как раз наоборот: ни капли в рот. Что-то в нём надломилось.

– Привыкли они друг к другу. Срослись, как сиамские близнецы. Раньше такое явление распространено. Женятся и – до гробовой доски вместе! У меня родители той же породы: единственный брак, вместе сорок лет! Я у них единственная дочка. Они меня любовью исполоскали. До сих пор живу с ними. У меня своя комната. Квартира у нас четырехкомнатная. Мама на пенсии. Папа вот-вот выйдет туда же, но хочет продолжать работать. Он ведущий специалист, бездна опыта, знаний – не отпускают. Он как Везв.

– Не потеряют тебя?.. Проходи сразу в комнату. – Вася осведомился на пороге квартиры.

– Нет, я предупредила, что могу задержаться. Я частенько похаживаю в ночные клубы. Развеемся и развлечься.

– Ни разу не был.

– Неудивительно! Фортепианные концерты там противопоказаны.

– Что же вы там делаете?

– Ха! Насмешил. Что там делаем? – Лера рассмеялась и, резко оборвав смех, серьёзно сказала: – Во-первых, танцуем. Хочешь, покажу...

Она подошла к стереофоническому музыкальному комплексу, состоящего из первоклассного ресивера, вертушки CD-дисков, DVD-рекордера, вертушки виниловых дисков и кассетной деки. В знак восхищения её оттопыренный большой палец взметнулся, как флаг победы над серостью. Гостья наклонилась, словно любуясь элитной аппаратурой, и нажала заветную кнопку на ресивере.

Черные, покрытые рояльным лаком колонки с поддержкой такого же черного и блестящего богатыря-сабвуфера ожили нарастающим ритмом. Великолепный низкочастотный звук барабана, созвучный с ритуальным набатом древнего таинства, всколыхнул упругой волной тишину комнаты. Нарастающие вибрации захватывали всё, что попадалось на пути всепроникающих колебаний, становящихся сердцевиной нового феерического действия.

Сочный голос певицы внёс в бой барабана череду отрывочных возгласов какого-то странно-пленительного душевного переживания. И вот ритм вышел на полную мощь, и в звуках взволнованного голоса стали слышны и различимы слоги и слова: «Син-ний синий иней лег на провода...» – так понимались эти слова, но негритянка пела немножко о другом.

Она пела о жизни с билетом в один конец, о единственности каждого мгновения, о невообразимой жажде вместить в это мгновение всё самое лучшее, теплое, сердечное. Пела о единственном человеке, без которого уходят краски дня, и серая-серая муть разливается бескрайним потоком. Поток становится аморфной массой, где уж и вовсе не найдешь ту изначальную крупинку любви, то маленькое зёрнышко любви, которую ей и ему дает Высшая сила – даёт всего один раз, и которое никак не может произрасти в почве, пропитанной нечистотами, ядами, отходами.

А время уходит, растворяется сизой дымкой иллюзий... Ах, если бы не барабан, этот мощный набат, этот пульс времени, что не остановить никому и никогда – можно давно выйти на тихий берег надежды, оставляя довершить этот путь кому-то другому, пусть даже вполне реальным проектом – собственным деткам... Пусть так прозаически закончится эта удивительная поездка взлета первых взрослых сил и дел после детства и юности, согретых теплом родительского дома и пронзительной мечте о синей-синей птице. И сильной верой, что синяя птица не обратится в синий-синий иней, что лег на провода высокого напряжения души...

Что же не хватает? Что своё внести в эту щемящую мелодию о синей птице и синем снеге?... Лера чуть прикрыла глаза и неудержимую жажду движений подчинила рисунку ритма музыки, ворвавшейся в комнату сладкозвучной музыки, усложнённой бас-гитарой, соло-гитарой и чудным соло негритянки.

Лера словно металась между составляющими музыки. Металась резкими движениями, рваными движениями, плавными движениями. Показывая саму суть движения, чистую страсть, редкую жажду феерической нескончаемой жизни с билетом в один конец, чудесной жизни, где нет конечной остановки. Её гибкое тело извивалось изменчивой волной. Голубая туника одеяния летала веером вслед, рождая в глазах карнавал света. Того света, что вперемежку с Луной вливался в окно, и того света, что изливался из бронзовых светильников. Этот свет также метался вместе с грациозным телом, поблескивая на глади оголяющихся ног, спины, живота, груди.

Это мелькание света с легким привкусом неведомой основы эротического действия словно создавало новый образ совершенной женской красоты, такой реальной, такой живой! И находящийся в шаге от хозяина квартиры, оторопевшего от фантастических видений в стенах своего дома.

Тот далёкий образ пленительной девушки в синем цвете мечты, тот образ, нарисованный собственной фантазией в каком-то воображаемом мире, напрямую связанном с таинственным сверхъестественным миром, воплотился здесь в самозабвенном танце гибкой полуобнаженной красавицы. Неужели, это так?..

И он не мог понять, почему такое странное совпадение той пленительной девушки мечты и той девушки, что любила его на берегу Тихого океана... и сейчас вот она, назвавшая себя Лерой... Он не мог справиться со шквалом воспоминаний, ощущений, стёртых желаний, а Лера вилась вокруг волнами этого самого океана мечты, и того – настоящего Тихого океана. Она каждым стремительным движением поднимала волны выше, возбуждая вокруг цунами, лавину сладких чувств. И эти простые строки исступленно повторяющиеся как заклинание: «Синий синий иней лег на провода, в небе темно-синем синяя звезда...» ... Где же ты бродишь моё милое счастье...

– Эй, очнись! – Музыка вдруг стихла и Лера, запыхавшаяся, с распущенными волосами, потрепала рукой по плечу и по щеке. – Ты куда улетел, Васёк? Я здесь, рядом. Очнись от прошлого. Об этом уже говорила!

– Ты меня ошарашиваешь на каждом шагу! – только и смог сказать он. – По-моему, это неспроста!

– Конечно! Ты ещё не догадался, зачем я здесь?

– Ах, да! Сейчас покажу пластинку с Гилельсом.

– Постой, не торопись. Что уж мы с тобой совсем дурачки? В полуночный час будем слушать, как фортепиано производит рейдерский захват оркестра?! Нет, концерт замечательный, его я прослушаю с пластинки... к тому же аналоговый звук с шипением иглы – это что-то! Правда, у меня нет ностальгии по винилу, потому что и CD для меня прошлый день. У нас в клубе иногда бывают ретро-вечеринки под винил и портвейн «Солнцедар»... Ох, и трещит потом голова от шипучей иглы, гремучего поёла, пьяного веселья!

– Здесь, через мою аппаратуру, ты едва различишь легкий шорох. Здесь звукоснимающая головка электромагнитного типа. Одна из самых лучших. Представляешь... – Он с увлечением делился знаниями. – Игла с алмазным напылением эллипсоидной формы! В звуковой дорожке она повисает под строго подобранным углом и, едва касаясь по уступам, выпуклостям и впадинам, колеблется и с левой и с правой сторон. Сама игла помещена в тороидальный цилиндр из особого сплава...

– Очень интересно! – оборвала Лера. – Давай-ка эти подробности в следующий раз. Я как-то в другие подробности предпочитаю вникать... Ты почему-то не показал квартиру?.. Обычно гостям показывают, куда их пригласили, вкратце знакомят с местом обитания и обитателями. Ну, ты живешь один, это мы с тобой установили, теперь – почему один. Не хватает жилплощади?

– Да нет квартиры, на мой взгляд, большая. Пойдем, покажу.

Василий с Лерой вернулись на порог жилища и начали осмотр с прихожей. Стены её были стилизованы под кирпичную кладку, с натуральным рельефом межрядовых пазов, так что Лера даже провела пальчиком, недоумевая: забыли штукатурку наложить? Прихожая тесновата, как, впрочем, и остальные помещения: ванная, кухня, три комнаты с отдельными ходами. То, что кухня с блоком гигиенических помещений была в непосредственной близости с входной дверью – понравилось и взято на заметку. И три комнаты спланированы так, что две легко превращаются в одну, с площадью метров в тридцать пять. Причем, эти комнаты выходили на лицевую сторону дома. Третья комната, поменьше, имела лоджию с видом на стену соседнего дома. Коридор, в общем-то, широкий, заставленный мебельной стенкой от пола до потолка. Ага! Вот почему в комнатах был аскетически пусто, и вместе с тем достаточно по её назначению.

В гостиной – трансформируемый кожаный диван, напротив – стойка с медиа-аппаратурой, большой телевизор. В спальне широкая тахта, светильник и тумба с множеством ящичков – и больше ничего. В третьей комнате размером четыре на четыре метра стояло массивное кресло-кровать, напротив высокий шкаф, забитый книгами. В одном углу компьютерный стол, в другом – дверь на лоджию. Посредине комнаты, между этими предметами, лежал плотный и толстый натуральный шерстяной ковер, смотревшийся здесь центральным элементом интерьера.

– Видно, что старались в обделывании квартиры. Просматривается оригинальный подход. Твои предки очень старались украсить своё гнёздышко. Правда, сейчас это устарело. Несмотря на то, что всё ещё смотрится чинно и аккуратно, кое-то неплохо бы и переделать.

– Я ничего этого не замечаю. Всё крепко приклеено и прибито. Этого достаточно.

– Нет, этого мало! Всегда нужен шарм, особенность, оригинальность. Но ты извини: чего это я в критику ударились? Сама не пойму... Тут у тебя однозначно хорошо! – Она шагнула босыми ногами на ковёр. Её взгляд хозяйски прошёлся по комнате. – Такое ощущение, что вчера здесь была, и позавчера тоже, и поза-позавчера. Здесь уютно и что-то ещё сквозит очень и преочень знакомое. Что же?.. У тебя столько книг! Неужели все прочёл?

– Читаю ежедневно.

– Зачем? Где-то учишься?

– Учусь... Университеты жизни прохожу.
– По книгам, что ли... или по жизни учишься?
– Стараюсь то и это совмещать – в симбиозе свой учебник для себя состряпать.
– Забавно! У меня у папы книжный шкаф не меньше. Книги в основном технические, а на особом месте гравюра профилей трех деятелей с глазами, устремлёнными в одну точку. Один такой бородатый, усатый, нечесаный, другой – с выпуклым лысым черепом, со стилизованной бородкой, третий – с усищами и волосищами. И тут же на двух полках их книги.

– Представляю, о ком ты говоришь. Это вожди. такое революционное учение о преобразовании мира угнетённых и угнетателей в справедливый мир равных возможностей для всех.

– Получилось бы, как считаешь?

– Одно время получалось... Создали на одной шестой части Земли огромную страну, не имеющую себе равных... Потом обо что-то споткнулись и что-то, видимо, не учли. Мне порой очень хочется понять: что помешало, обо что споткнулись, кто предал. Сейчас многие задумываются о том, что как в СССР, так и в США по существу главенствовала одна идея: обеспечить рост благосостояния своих граждан. Только в СССР – для всех. В США – для ловких предприимчивых, хитрых и, скорее всего, прохвостов. Этот момент хотелось бы додумать.

– Нечего и думать! Это учение проще испепелить, сжечь, растоптать. Чтобы не морочило голову. И даже не проще, это святая обязанность каждого: уничтожить, сжечь, прах развеять в космосе.

– Знания материальны. Они не возникают на пустом месте.

– Это верно! Но не забывай про Красную книгу, про динозавров: сколько видом материального вымерло! Споткнулись вожди об подобных мне, об яркую индивидуальность.

– Не слишком ли ты самоуверенная?... Хотя, возможно, ты права.

– Это не подлежит никакому сомнению... Ещё – сама цифра шесть таит в себе опасность... Надежнее стремиться к нечетным числам: занимала бы эта страна одну седьмую или одну пятую часть суши – бед бы меньше... Ого! Я вижу у тебя книгу, которую и я читаю в качестве своего учебника. Практическая магия! Ты что же, увлекаешься? Ты – сочувствующий марксизму-ленинизму? Ведь эту книгу нельзя, невозможно читать просто так. Любой прочитавший семь страниц становится причастным к таинствам и ритуалам.

– Я любопытствую. Здесь есть интересные наблюдения.

– Да и не только! – оживилась Лера. – Вот теперь мне ещё яснее, для чего мы встретились!.. Магия – моя тайная блажь, хобби, увлечение. Я понимаю, магией не сделаешь себе астрального тела. Того бессмертного четвертого тела, которое в разных религиях и верованиях называется по-разному. Но есть один секрет, к разрешению которого я подбираюсь путём магических медитаций. Ты знаешь, что в этой книге описано, как реально вызвать духа и внушить ему свою волю? И дух этот – конкретный! У него есть имя. По движениям планет и по порядку знаков зодиака, с помощью специально построенных таблиц извлекаются буквы. Которые затем выстраиваешь в определенном порядке, и получается искомое слово – имя доброго или злого гения каждого человека. Я своего вычислила. Это, скажу я тебе, кропотливый труд – собрать из магических знаков имя духа, который может тебе помочь раскрыть главный секрет. После этого специальными заклинаниями можно приблизить твоего духа и постепенно ощущать его краткое внимания. Готовить себя к его встрече и, наконец, в особый час вызвать, чтобы твоя воля трансформировалась в часть высшей силы. Я считаю, что это может стать пятым путём обретения астрального тела.

– Зачем тебе это?

– Как?! Во-первых, получаешь невыразимую сладость бессмертия. Сейчас многие звезды отчаянно молодятся, продлевают молодость косметическими операциями, диетой... Но они работают с физическим телом, у которого давно потеряны связи с Высшим, у них нет астрального тела (или четвертого тела), оно задохнулась в их безалаберной жизни. Во-вторых,

с помощью своего Духа я хочу переписать свою судьбу. Все мы рождаемся с готовой судьбой, что исходит из судьбы родителей, родителей моих родителей... короче, есть наследственная судьба – это канва, в границах которой формируются варианты родовых судеб с легкими отличиями. Так вот, я не хочу судьбы родителей. Хотя я их также очень люблю, но повторять их судьбу не хочу. Я хочу вырваться из родовой судьбы, и для этого нужен тот самый конкретный дух, что заложил основание нашей родовой судьбы, – только он может внести коррективу в существующие помимо нас предначертания, перенести с одного уровня на другой, поменять само качество реальной жизни, чтобы та частица, что остается после смерти или, точнее, является результатом жизни (астральное тело), увеличила силу этого Духа, а, может быть, и встала вровень с ним. И что интересно – шанс встречи с ним только один. Всё надо делать последовательно и аккуратно, шаг за шагом приближаться, проверять и пробовать: могу ли воззвать и лицо в лицо сказать, что хочу?.. И что он не может не сделать... Мы сейчас, похоже, это сделаем, пусть в первом приближении... Не сдрейфишь, а? Иногда, чтобы вызвать могучего духа, не знающего границ между добром и злом, нужен добрый дух, который поможет и даже приведёт его. Я вижу знаки частого присутствия твоего доброго духа здесь, его незримые следы и веяния. С твоей помощью и с помощью твоего доброго ангела я приближусь к своему князю тьмы. Но я вижу маленькое препятствие: твой Дух не один...

– Ты думаешь, это реально? У тебя получится? Для большинства людей это представляется бредом.

– Ты ещё спрашиваешь! Тебе недостаточно, как я заговорила ранку? Посмотри-ка – и следа нет.

– Маленький шрамик остался... – Вася потрогал пальцем кожу над верхней губой, из которой не далее как час назад выкатились капли крови.

– Это тебе моя метка на долгую память! – Она рассмеялась. – Не беспокойся: захочу, и шрамик рассосётся. Мир духов существует, – сказала она строго и сурово. – Он наполняет смыслом любую жизнь. Многие люди настолько увязли в глупейших проблемах, бытовухе, что им даже не хватает времени осенить тебя крестным знаменем и восславить Бога, который им что-то щедро преподнёс (они думают, что сами!), и потому кругами и спиралью они варятся в безумной каше якобы личных достижений. Это и есть бред! Какой-то фарс, подобие настоящего. А надо хоть на мгновение остановиться и суметь различить дыхание вечности в смрадном воздухе настоящего.

– Ты веришь в Бога?

– Я верю, что он есть. Но в церковь, любую: православную, католическую, протестантскую – не могу зайти. У меня сразу поднимается температура, я как будто теряю свое главное тело... Наверное, ещё не построили ту церковь, с той самой религией, где я упаду на колени... Когда мне четырнадцать лет, я вдруг ни с того ни с сего заболела воспалением легких. Проснулась в непонятном ощущении легкости. странно, приятно и необычно. Насторожил легкий озноб. Мама померила температуру – сорок градусов! До сих пор помню это ощущение. Это, наверное, и был тот самый сладкий кайф смерти физического тела и переселение всей своей сути в астральное. Этого кайфа дал всего глоток... я и в самом деле чуть не умерла тогда! А, может быть, и умерла та обычная девчонка – ходячий выдрессированный манекен, из которых делаются обычные жены и составляются обычные семьи... Дальше и говорить не хочется, тем более – так жить.

– Это относятся к твоим родителям? Они поносят свою жизнь?

– Нет. Они самом деле выросли и жили в государстве, которого теперь нет. В государстве, где национальная идея, становилась транснациональной, укрепляя оттенок Высшего в обыденной жизни... Мама и папа, конечно, хорошие... Очень хорошие. Они пропитали меня любовью. Они втиснули в меня столько внимания и нежности, что больше мне и не надо. Я бы хотела навсегда остаться той четырнадцатилетней девчонкой в море родительской любви. А вот

здесь, во взрослой жизни, здесь любят за что-то. За твои красивые ноги и всё остальное, чтобы и самому сладенького откусать. Работа, где надо выкорячиваться, чтобы не уволили. Коллектив (чтоб им всем подавиться!), где обсосут тебя и обмоют до косточек. Мужчины и их жёны говорят о любви, а на самом деле от трения их тел только тление – нет искры, нет огня, нет света настоящего чувства...

Она поморщилась и заговорила жестко:

– Вот я и предъявляю свой счет. Но – уже с повышающими коэффициентами: за дурость, за пошлость... и так далее. А они зовут меня стервой?! Ха! Если бывают инженеры человеческих душ, то я – хирург, точнее – патологоанатом. Вариться всю жизнь в безобразном котле недоделанных людей как-то не климатит. Я боюсь унижить себя злостью, тупостью... Вот ты – конструктор. Тебе понятно творчество. Когда перед тобой встаёт проблема, ну, конкретное техническое задание сделать что-то, чего в природе нет. Ты включаешь мозги, напрягаешь их – думаешь! Раз – и это несуществующее твоя рука разрисовывает линиями, использует существующую элементную базу. Эскиз, чертёж, проработка техпроцесса на его изготовление – и то, что не существовало, готово. Готово!.. Правильно я обрисовала существо твоей работы?.. Правильно!..

Лера чуть призадумалась и продолжила:

– Вот то мгновение, когда тебе вдруг стало ясно, как должно быть, можешь уловить и расписать, как своеобразный техпроцесс? Я – хочу. Хочу влиять на это мгновение. Отчасти и для этого нужно вызвать своего, только своего Духа... Ты можешь помочь мне тем, что рядом со мной будешь вспоминать своё лучшее, что с тобой, что является фактом поддержки свыше... Приступим?

– Ты не допускаешь, что входя с тобой в параллельный мир, воткну нож в твоё астральное тело?

– Допускаю. Также как садясь за руль автомобиля, всегда подвергаешься опасности, что найдется кретин, который въедет по дури в твоё авто. Сходи, пожалуйста, в прихожую и принеси мою сумочку. Я тебе что-то покажу. И ещё принеси пять свечей, можно обычные стеариновые. Я знаю, у тебя они есть.

Вася, не проронив ни слова, исполнил указание: с видом послушника в Храме принёс сумку из страусиной кожи и свечи, оставшиеся от родителей, от их неприкосновенного запаса, где были упаковки спичек и несколько пачек поваренной соли.

– Давай сядем на ковер друг против друга. Очень удобно скрестить ноги под собой... ты знаешь, это – одно из исходных положений йоги... Так, поудобнее усаживайся... Начнем сразу. Вот, смотри, – она стала извлекать из сумочки предмет за предметом: записная книжка, талисманы... – Эту записную книжку сделала сама из чистейших листов бумаги, которых никто не касался, разрежала, переплела шелковой нитью, разыскала специальные разноцветные ручки. Ими вписываю сюда всё то, что почерпнула из прежних ритуалов и, обязательное условие, – только то, что сама через себя пропустила. Вписываю сюда духов: сначала идёт его изображение, рядом подпись и клятва духа – в ней есть его имя, его звание, место и какая у него сила. Затем определено конкретное время относительно тех звезд, влияние которых определяют силу духа с привязкой моего местоположения, порядок его вызова. Эту книгу можно назвать дневником, подобием молитвослова: здесь заговоры, заклинания. Она освящена самими духами, поэтому я не могу открыть её в любое время и в любом месте, а уж если кто-то другой возьмет эту книгу, начнёт листать и, как ты говоришь, «любопытствовать» – его постигнет беда. Это может быть страшная неизлечимая болезнь, несчастный случай, пожар, авария. Так вот, перед тем, как открыть, я смотрю оглавление и выбираю именно ту страницу, открытие которой сейчас может сразу вызвать появление духа. Потому что ещё именно его дыханием освящена эта его страница. На каждом развороте может быть имя только одного духа, а в конце разворота вписано его вызывание и заклинание, через которое дух напрочь

связывается с книгой. В этой книге есть один незаполненный разворот, где только одно условное изображение – того, моего самого сильного Духа, который ещё не стал моим. Чтобы он стал таким, он должен появиться здесь и вписать своё имя с клятвой верности мне. Смотри, чтобы открыть эту книгу сейчас, я должна прочертить магический круг, положить перед собой три важных пентакля... ну, или талисмана, говоря проще. Нужно три условия для магического успеха (вообще, цифра три – одна из самых магических): во-первых, время – ясные светлые тихие сумерки, вплотную к полуночи, во-вторых – твоё существо, подготовленное к встрече с таинственным, и в-третьих, тщательно разработанный и скрупулезно исполненный обряд... Итак, исполнение первого условия очевидно, второе – иногда, сами того не ведая, мы интуитивно подготавливаем себя к встрече с Высшим, изгоняя, удаляясь от суетности и пошлости окружающего. Так скажем, собственное неосознанное влечение к Высшему становится неосознанным постом (молчаливым сосредоточением), который присутствует всегда, когда кто-то хочет сделать что-то такое, что выше его возможностей, что есть пока в его мозгу. В тебе я вижу такого влечения избыток... Ну, а исполнение третьего условия предоставь мне.

Лера взяла четыре свечи и, взглянув на звезды через окно, поставила их точно по четырём частям света. Зажгла восточную свечу и перенесла огонь на запад, затем на север, и в последнюю очередь вспыхнул огонёк на юге. Одну свечу, которой распространяла огонь, поставила перед собой. Рядом положила закрытую книгу духов, три талисмана.

В безгласном сосредоточении обратила внутренний взор в пучину своего внутреннего Я, выискивая ту основу, тот краешек твердыни, откуда начнется её восхождение к таинственным высотам Высшего.

Она стала вслух читать что-то, подобное молитве. Вася услышал обращение к Богу, словословие Отцу Небесному, призыв и мольбу, чтобы Он своим могуществом принудил явиться призываемого духа. Потом она положила руки на два талисмана и торжественно, возвышая голос, огласила волю:

– ...призываю вас силой высшего могущества, которым обладаю, заклинаю и упорно приказываю вам именем Того, Кто сказал и свершилось, которому повинуются все создания, наречённым именем Тетраграмматон, Иегова, которым заключается век, при произнесении которого стихии распадаются, воздух колеблется, море убегает, огонь потухает, земля дрожит, и все армии небесные, земные и адские содрогаются, приходят в смятение и падают... призываю вас немедленно устремиться сюда со всех стран мира, без всякой отговорки, чтобы дать разумные ответы на все мои вопросы. Придите с миром, видимые и приветливые, при доброй воле, как мы этого желаем... чтобы выполнить наше приказание и до конца исполнять наши желания, отвечая ясно, отчетливо и недвусмысленно...

Она возвела руки вверх, в звездное небо. И тут же Вася явственно услышал дикий вой. Заунывный, глухой, тоскливый. Волк ли это?оборотень, становящийся зверем? Шакалы, почуявшие кровавую добычу? Пламя свечей заколебалось, и вой усилился, к нему, казалось, присоединились новые голоса, мрачные, ужасно растревоженные. Скрежет зубов от преисполнявшей ярости послышался совсем рядом, как ровно в двух шагах за спиной. Вася вздрогнул, страхась повернуть голову. Кто-то ужасный, истекающий смрадом, встал сзади, и пока прячется, вытягивая окровавленные руки к твоей коже... Злобный возглас вырвался из воя и резко ударил по ушам. Так бьёт ударная волна, так бьют тренированным ударам палачи и изуверы. Вслед за встряской болью наступает мгновение шока, и затем приходит невероятная тишина, складывающаяся в новую беду... Твёрдым голосом, в котором только крепла сила, Лера продолжала:

– ...силой имен, что сейчас назову, уничтожится ваш злой порыв. Уйдите, жуткие элементалы, снова туда, где вас бояться, пытайте их, захлёбывающихся злостью. И откройте дорогу тем, кого мы призываем...

Лера подула во все четыре стороны, и вой удалился с движением выдуваемого воздуха. И вслед за этим заколебалась штора на окне, рванул ветер – настезь распахнулось окно. Все четыре свечи разом потухли.

Осталась одна свеча, которая освещала прекрасное лицо Леры, побледневшее от напряжения. Ветер закружился вокруг неё, поднимая волосы, срывая одежду. Вдруг голубоватый свет Луны и жемчужная россыпь звезд заслонила огромная темная туча. В какое-то мгновение небо помертвело, почернело, и уже другой шквалистый ветер исступленно и бешено стал бить в окно, точно зарёкся разбить его вдребезги. На темном челе вечности замелькали голубенькие жилки. Нарастал и крепнул раскатистый гул. Над самым окном разверзлось небо. Полыхнула молния такая яркая, такая мощная и концентрированная, что от последовавшего грома содрогнулись стены и пол. Вспышка белого света прошла насквозь видимое прежде.

Василий, мертвея от дикого ужаса, воочию увидел только три темных силуэта, которые не смог пронзить свет, рождённый из разряда высочайшей энергии. Первым силуэтом была Лера, вторым – тень его самого, не отводящего глаз от преображающейся девушки, третий – темная фигура со скрытым лицом: она реяла над ними, точно выискивая ту самую точку опоры, точку соприкосновения реального и воплощающегося из Света и Тьмы.

Лера улыбалась. Она с наслаждением ощущала это загадочное движение, это кружение вечной тайны, к которой то приближалась, то отдалялась... Кто она, оно, они? Реальная девушка с фантастической душой? Кто это фантастическое существо, ищущее реальную форму какого-то нового воплощения? Кто они, реальные Лера и Вася, ставшие немymi свидетелями столкновения двух начал, двух времен и миров?

Васе всё более становилось жутко, что так бесцеремонно они вторглись в основу основ, в ту неведомую лабораторию жизни, открыли дверь, которую нельзя открывать и собрались войти туда, где жить, как прежде они жили, невозможно. Темный призрак, словно птица, парил кругами над ними, и волосы Леры, словно наэлектризованные, двигались вслед его движениям.

В памяти Васи воскресли слова Леры: «Ты вспомни своё лучшее мгновение. Потому что оно тебе послано твоим добрым Духом. И тогда вместе с воспоминанием к нам придёт и он, твой мудрый сильный добрый Дух. Я заставлю его поклясться в верности мне. Велю ему привести моего темного Духа».

Но какое же воспоминание он хотел пережить снова? Он замер соляным столбом из библейской притчи, как четки перебирая воспоминания в безграничных просторах памяти, словно листая такую же таинственную, как у Леры, книгу. Впрочем, с тайным восторгом, знал заведомо, какое воспоминание хочет снова пережить. Душевыми усилиями соскрёбывая наслоение краски от первозданного рисунка, эскиза бедующей жизни, в котором по странному неведению появились новые и как будто ненужные краски, он живо воскресил в себе облик единственной любимой. Возлюбленной. Свою несравненную девушку, которую подарили ему как волны Тихого океана, так и волны фантастической мечты. И только он явственно представил это, как темная фигура замерла, а глаза Леры сомкнулись на помощнике, переживающем по-новому чудное и прекрасное прошлое. Она напряглась и приготовилась, и та темная фигура словно подначивала её, словно подхватывала за руки...

Василий увидел любимую, как живую. Он хотел вслух назвать её имя и мельком, кратким взглядом вперед включил незначашим фрагментом и это настоящее – загадочно улыбающуюся Леру. В её чертах он увидел что-то знакомое. Знакомое по тому феерическому голубому свету мечты, наиболее очевидной и совокупной с той дивной мелодией про синее небо, иней и девушку, которая только одна и нужна... Танец Леры, танец той, что была дороже всего... вдруг как-то странно все перемешалось, и он немного растерянно посмотрел вперед. Стремительный бросок гибкого тела повалил его навзничь. Властные губы впились в его рот. Эти губы, то мягкие, то жесткие, то обволакивающие сладостью, напомнили тот первый поцелуй...

4. Твоя энергия лидерства

Весна как в офисе, так в целом по предприятию приходила с оценкой результативности персонала за прошлый год. Далее следовало годовое вознаграждение. От одной десятой части оклада до трехмесячной зарплаты. Смысл есть побороться. Чтобы получить денежек больше, следовало в первую очередь уразуметь критерии оценки.

Это непросто. Ведь сплошь и рядом, как пирожки из печки, вылетают новомодные доктрины, которые покушаются растолковать рабочему и специалисту, да и просто человеку, золотое правило успеха.

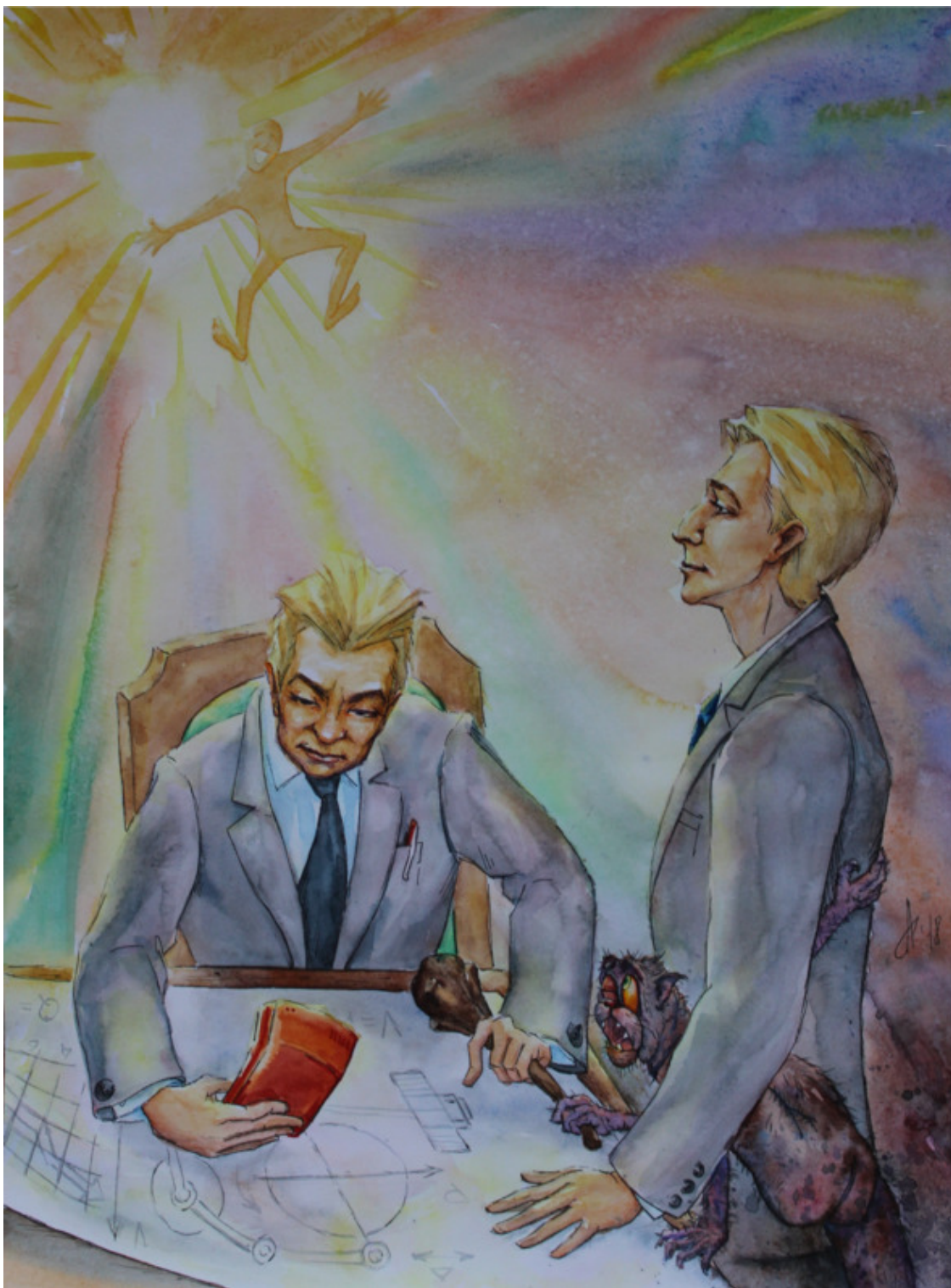
В самом деле, из чего же складывается точное и четкое подчинение собственной жизненной силы руслу могучей реки жизни? Той реки, что несет к обильным и скудным берегам, что выбрасывает на остров одиночества и погружает на дно, что становится стартовой площадкой для тех, кто сумел расправить собственный парус и опередил общее движение? А ведь можно, не мудрствуя, не напрягаясь, проплыть всю жизнь пассажиром третьего класса, усыпленным, успокоенным, одурманенным, подчиненным чужой воле. Проплыть простым слесарюгой или замороженным специалистом.

Совсем непросто построить жизнь в безмолвной и безучастной равнине, охлаждающей любой порыв, любой напряг, если не обрести это самое редкое знание, что научит, как не обжечься от огонька желания, которое подобно высоковольтной искре в двигателе запускает механизм исполнения желаний. Появляется вдруг нечто вещественное, реальное, и что важно, что главное – позитивное и конструктивное.

Избитая фраза «не получать деньги, но зарабатывать» вызывает раздражение: уж чья бы корова не мычала! У демократически избранного депутата от местного округа лицо ширится изо дня в день и скоро не влезет на экран.

Одни в офисе считали, что делегированное право менять жизнь к лучшему распространяется на избранных, остальное – показуха. По-прежнему одни посулы, призывы, лозунги и никакой конкретики, тщательно расписывающей, как это хорошее завтра для всех начать делать сегодня, что на самом деле ВСЕ озабочены только одним – скорей набить карманы и свалить подальше. Живут одним днём. А чтобы не догнали (равно уличили), замутить правильными словесами неправильные действия, напустить обману, что не сыскать такого детектива, который бы квалифицированно отделит зёрна от плевел. Лозунг «Лучший контролёр – это совесть», оставшийся на одной из стен предприятия, молодыми работниками воспринимался абракадаброй, старыми кадрами – с сожалением. Ветераны доказывали, что детектор лжи в виде собственной совести подключен к вражескому каналу, что всё путёвое и путное одолевает ржавчина и плесень, что миром правит... всё, что угодно, но не мудрость, основанная на единстве каждого в каждом.

Среди тех, что продолжал верить в разумное движение вперед, остался Веэв и присоединился Василий. Словно сумели сориентироваться как в замудренно-извращенно-навороченном раскладе реальных сил постсоветского общества, так и в соответствующей форме результативности работника в этом самом раскладе.

Между тем, Лера считала, что для высокой оценки в первую очередь следует написать пару служебных записок, т. е. выступить в роли некоей Чистильщицы. Не находя соответствующего материала изнывала от скуки. Новые друзья, Веэв и Вася, настолько правильные, что к скуке добавлялась досада. Секретное задание начальника как будто пробуксовывало. Второй или третий день подсовывали рутинную работу по обработке базы электронных данных по планам и мероприятиям, выполненным производственным сектором их ООО.

Она, изнемогая от рутины, выходила в коридор глотнуть свежего воздуха и расслабиться в мягком кресле у панорамного аквариума. Уголок отдыха, организованный по дизайнерскому

проекту, был одновременно и местом для курения, что всегда чрезвычайно возмущало Леру – она не курила, и табачный дым ей противен. Оказаться рабом привычки – это не в её правилах, и кроме того доподлинно знала, что в едком дыме содержится более четырёх тысяч вредных веществ!

Стоило ей и сегодня фланирующей походкой направиться в уголок отдыха, как уже издали с неудовольствием и брезгливостью увидела, что место занято: в сизой оболочке смога сидел вполне симпатичный молодой человек. Белобрысый, стройный, в ярко начищенных модных туфлях. Она приостановилась на мгновение и, словно вооружившись метлой – виртуальным орудием для чистки жизненного пространства, двинулась в заветный уголок поупражняться в красноречии или словоблудии.

– Вы очень некстати выбираете время для отравления себя в общественном месте! – сказала Лера, сощуриив глаза и в упор разглядывая новую особь мужского пола, добавила вскользь: – Не люблю самоубийц.

– Почему?... Выбираю не я, выбирает оно и они. – Он заёрзал от пронизательного взгляда.

– Что это: оно и они? Расшифруйте!

– Оно – это я. Они – наши начальники, которые определяют паузы для глотка свободы.

– Со вторым согласна! А вот с первым: гермафродит, что ли?!

– Хотите анекдот?

– Попробуй!

– Озадачились как-то большие начальнички, как повысить производительность труда.

Дали работничку самое примитивное орудие труда – косу. Привезли в поле и заключили трудовое соглашение по скашиванию травы. Уехали. Ну, взял работничек косу и давай махать. Раз-два! Раз-два! Справа налево. Справа налево... Дурень... Приезжают начальники и смотрят и видят, что справа налево – продуктивное движение, а вот слева направо – впустую! «Бляха муха, за что ему деньги платим?! Давай, – говорят, – привязывай к косе грабли: будешь, двигая модернизированным орудием, ещё и собирать траву в два вала». Усовершенствовали орудие труда, уехали. Приезжают после обеда. Путёво получилось! Справа налево уложил траву, слева направо подобрал в другой вал! ПОтом, правда, обливается, пыхтит. Но работа есть работа, – не семечки щелкать. Задача есть стратегическая: Америку-Европу, япона мать, догнать и перегнать... А что если взад борону еще прицепить – сразу валы в кучи сгребать будет. Доработали орудие труда, запустили работника в поле. Он, бедолага, рекордсмен хренов, справа налево махнёт – и травка подкошенная ляжет, слева направо махнёт – валы поднимаются, шаг делает – и в кучу сгребёт. Картинка получилось! Ноу-хау. Глубокая модернизация производственного цикла. Повысили производительность труда на 50%! Снять видео ролик и распространить!.. Где-то без десяти минут пять, то есть за десять минут до окончания рабочего дня, едут Модернизаторы снова в поле – взглянуть на болезного работничка. Он же, только заприметив их, бросил суперкосу, подвергшуюся глубокой конструкторской доработке, – и давай деру! Ух, рванул! Как от бандюган-блатников. Они догоняют: «Ты чего, бабла не хочешь? Уволим махом: ещё десять минут тебе работать. Чего побегал?» – «Так вы счас на мне ещё что-нибудь привяжете. А у меня только х** остался свободным! Его не дам!»

Лера рассмеялась, сразу отметив:

– Матерщинник ты вдобавок! Но развеселил. Про себя рассказал? Понимаю теперь, отчего переходят в оно!

– Ну я-то тот, который убегает сразу, не дожидаясь покушения на это, что на букву х.

– Почему тогда ты – оно? Ну-ка, растолкуй!

– Когда стоишь рядом с такой девушкой, и понимаешь, какая она недоступная, невольно думаешь, что ты – оно.

– Ну, ты загнул, дружок! Сначала ты должен бросить курить!

- Это с какого боку сюда относится?
- Две заразы в одном теле не уживаются! Тебе надо выбрать одну.
- Ты – зараза?!
- Ещё какая! Хлеши твоего никотина в этом дыме. Могу сделать что угодно: взбодрить, развеселить, усладить, или – размазать, рассмеять, унижить, уязвить.
- Вах! Лублу таких женщин. Они – пульс времени.
- Я уже сказала, что прежде всего тебе нужно сделать. А потом посмотрим.
- Что же это, отсекаю от себя что тебе не нравится, что тебе противно, и всё равно не гожусь?
- А ты думал, одного действия достаточно? Вы, мужики, смешные. Сделал предложение, подарил поцелуй, квартиру, машину и думаешь, заполучил навеки в собственность красивый домик, куклу для своей письки?! Ты должен постоянно доказывать, что ты можешь меняться вслед моими... ээ... изменчивыми желаниями.
- Кстати, я – Леша, а ты, я знаю – Лера.
- Ошибаешься! Я – Валерия Александровна. Только так. Передавай привет модернизаторам производства.
- А чего передавать? Вон уже нам машет рукой один из них.

В противоположном конце коридора громоздился начальник и плавным движением ладони подзывал. Лера тотчас посерьёзна. Стремительной походкой деловой женщины направилась к шефу. Леша поплёлся сзади: любая встреча с начальством – мрак.

– Заходим быстрее, рассаживаемся и слушаем внимательно, – с необычным волнением заговорил Эдуард Викторович.

Он только что прибыл с какого-то важного совещания, и по его загадочному виду можно заключить: что-то сенсационное рвётся наружу. Он с подозрением скосил глаза на Лешу.

– Член нашей группы? – осведомился у Леры.

Она кивнула.

– Обладает неплохими задатками отменного негодяя. Шеф, ваше первое задание выполнено.

Леша поперхнулся, схватившись пятерней за горло. Шеф просиял довольством.

– Кто ещё в нашей группе?

– Ведущий инженер Владимир Владимирович и его ученик, конструктор Василий Петрович. Это наши интеллектуальные буйволы.

– Всех срочно в мой кабинет!

– Ок! Леша, слышал? А ну бегом собери коллег! – Леша со щенячьей радостью побежал исполнять.

Итак, за овальным столом начальника собралась группа инженерных работников, отобранных Лерой. Предстояло наметить план действий по решению важнейшей задачи. Как и положено, первым взял слово Эдуард Викторович.

– Коллеги, нам однозначно повезло, что встретились в один из судьбоносных моментов, когда стала выстраиваться специфическая форма участия частного капитала в одном из самых уникальных активов государственной собственности. Это всё сейчас опубликовано в официальной прессе и то, о чём будет сказано, известно из открытых источников печати. Скажу пару слов из истории, точнее напомним о некоторых неоспоримых исторических фактах. Начну изда-лека, чтобы сделать понимание короче.

Когда-то почивший Советский Союз был, как ни крути, мировым лидером во многих сферах производства и направлениях. Он был самый большой, самый образованный, самый талантливый. Самые быстрые ракеты, корабли и самолёты, самые умные, душевные и предан-

ные чистым идеалам люди. Сплоченный народ, воспитанием которого занимались не только мама-папа – вся огромная страна, всегда находился в высшей боевой и трудовой готовности, и готов с честью отстоять, защитить Родину от любых посягательств, от любого врага. У советских детей был лозунг-приветствие: «Будь готов!» – «Всегда готов!» Они с детства знали, на что всегда готовы... Самые блестящие научные открытия, изобретения, воплощаемые в кратчайший срок – неоспоримо (есть очевидные свидетельства) и кое-что осталось от этой феноменальной самости. Например, космическая, атомная, оборонная отрасль все ещё на известной высоте, известной мировой державе, спецслужбы которой со спутников вычисляют величину оставшейся самости, и потому пока захват идёт по коммерческой линии.

Знаете ли вы, что с некоторой недавней поры очень модным в российском менеджменте стали слова-понятия: аутсорсинг, выведение непрофильных активов. По существу это означает, что прежде тщательно оберегаемые государством предприятия стали запускать к себе особую форму частного капитала, в расчете, что новые, натасканные по западным меркам управленцы снизят издержки производства, взяв на договорной основе вспомогательное производство.

Короче говоря, толстую поросюшку, курочку, несущую золотые яйца, и работников при ней оставляют себе, как неприкосновенное государственное достояние, а те, кто заготавливает корм, убирает помещения, чинит механику и прочие технические устройства – сдаются как услуга в аренду. За такую элитную услугу рады побороться многие и многие частные фирмы...

Эдуард Викторович налил в хрустальный стакан газированной воды и, не торопясь, осушил. Собравшиеся не отрывали глаз от начальника.

– Конкретная информация, которую сейчас будет доведена до вас, конфиденциальна и пока является коммерческой тайной, – продолжил он. – Стало известно, что одно из крупнейших предприятий стратегического государственного комплекса будет выставлять на аутсорсинг одну из своих вспомогательных услуг. Наша задача – подготовиться к тендеру и выиграть его. И тогда...

– Мы все станем миллионерами! – Встряла Лера и притворно округлила глаза. – Простите, что прервала, Эдуард Викторович.

– Более того: некоторые могут стать и миллиардерами!

– Простите ещё раз. Нельзя ли уточнить: миллиардерами рублёвыми?

– Рублёвыми, Валерия Александровна, рублёвыми!.. А вот миллионерами, быть может, и долларowymi... Повторяю: некоторые из нас.

– Что для этого надо? – Лера продолжала ёрничать, впрочем, зорко поглядывая, чтобы не навлечь истинного гнева. – Продать Родину? Партию? Совесть? Как будто не всё продано!

– Не всё! Самое лакомое всегда приберегается.

– Вы это обо мне?

– Это я о работе, которую нам предстоит сделать. Чтобы поиметь это лакомое!

– Лера, помолчи чуток, – с доброй улыбкой сказал Веэв. Лера сразу примолкла, обратив внимательные очи на импозантного мужчину – Эдуарда Викторовича, начальника и провозвестника.

– Я вам оставляю копию технического задания аутсорсинга. Там типичные требования, и тот уровень, который предъявляется к претендентам. Следует тщательно проработать документ и составить собственное заключение, что нам ещё надо сделать, чтобы услуга стала нашей. Я назначаю рабочую группу по проработке этого вопроса распоряжением, но обозначен он будет в закамуфлированном виде. Ответственным будете вы, Владимир Владимирович. В группу войдут Валерия Александровна, Алексей Петрович и Василий Петрович. Времени, как всегда, в обрез, и можно сказать, что это всё должно быть сделано вчера. Но кое-что у нас есть, остаётся дополнить и разложить по полочкам в том порядке, что потребует заказчик. Даю вам три дня и три ночи. От силы – неделю. Действуйте!

Совещание продолжилось в комнате Владимира Владимировича.

– Задача и в самом деле непростая: зацепиться за флагмана! – Он размышлял вслух. – В противовес развалу промышленности в целом по стране, предприятия Росатома динамично развиваются. Выстраивается закрытый ядерный цикл от добычи сырья, подготовки к использованию, самого процесса трансформации страшной энергии атома в тепло и свет наших домов, до возвращения отработанного ядерного топлива для дальнейшей переработки. Строятся атомные станции за рубежом и в России, разрабатываются принципиально новые подходы к выбору типа реактора и топлива для него. Флот атомных ледоходов, переданный в ведение Росатома, сразу получил фундаментальный импульс к развитию. Морской путь из Европы в Америку вдвое короче по Северному морскому пути. К тому же Арктика – это кладёшь природных богатств. Как в прошлом веке, в большей мере после создания мощного энергетического комплекса (острейшую необходимость как залог индустриализации в этом провидел Ленин в своём первом глобальном плане электрификации отсталой страны), и последовал небывалый индустриальный взлёт страны российской. Так и в веке нынешнем создание мощного энергетического комплекса, преобразующего энергию не углеводородов (дрова, уголь, газ), но то, что на рынок ближе к обладанию неиссякаемого запаса энергии – таинственную энергию атома, также создаёт неоспоримые условия для эффективной экономики...

Везв и раньше просвещал молодых коллег, Леру и Васю, в подобном ключе с надеждой передать высокий дух созидания. Когда Вася зачастил в их комнату, как новый друг Леры, он сразу примкнул к Везву как родственной натуре. Лере отчасти была пофиг вся эта позитивная глобалистика, отчасти – любопытно: ну надо же, остались люди, которые верят во что-то светлое в жизни! Она втайне усмехалась – она им устроит это светлое будущее!

Везв и Василий общались на другом языке, на другом уровне. Их интересовали технические устройства, как Леру интересовала её косметика, её имидж, её психологические увертки в общении с мужчинами и придумывание каверзных штучек, уязвляющих женщин-сотрудниц.

Она, сидя за своим столом, разглядывала их, Везва и Васю, как ученый разглядывает в микроскоп глупых инфузорий, микробов, амёб. Леру она проглотила ещё при первой встрече у аквариума.

Везв несколько тяжеловат, но ещё не обрюзг. Заметно жировое кольцо там, где у женщин талия – признак ослабления мужской потенции. На лице печать не только породы – живого ума, который разглаживает многочисленные морщинки и наполняет глаза острым интеллектом. Везв хорош и также импозантен... хорош для решения технической проблемы, для технической работы. Она, как ни крути, делая курс на сближение, сошла бы за взрослую дочь от позднего брака. Если раскрутить его на интим, будет обоим неприятно: ему, что не смог, ей – что не получила... Нет, она решительно не понимала, как возможен, реален, нужен секс с пожилыми мужчинами? Наверное, исключительно за очень большие деньги в виде очень дорогих подарков.

Когда в её жизни появился Вася, она с какой-то радостью и облегчением отринула невольные притязания к Везву. Он тут же стал интересоваться как неординарный человек с огромным опытом технического специалиста – вот что действительно представляло огромную ценность, вот, что неплохо бы переориентировать в интеллектуальный товар и выгодно продать. Как? Она знала, как это сделать...

Вася, прилепившейся к Везву по родству душ, тормозил его вопросами, неожиданными аспектами старых проблем. Везв с благосклонной улыбкой отвечал.

А Лера в магическом прищуре видела, как перетекает опыт из одной сущности в другую. Перетекают ручейками и ручьём, как... она улыбалась, вспоминая недавнюю шутку Лери: «Видела, как трахаются компьютеры?.. Нет! Так смотри». Он соединили коротким широким

шлейфом жесткие диски двух компов и активировал действие слияния содержимого. На мониторе обозначился красочный процесс совокупление электронных устройств. Через некоторое время одно устройство приняло содержимое другого – так пчела-матка в весеннем полете совокупляется с множеством шмелей, которым после этого предначертана быстрая гибель, а ей, принявшей в себя множество порций мужской сущности, можно спокойно вернуться и творить новую жизнь. Лера ощущала себя такой же пчелой...

Без мужчин никак нельзя. Они что-то придумывают: Вев мудрит, Вася подстраивается под него, Леша хохмит. Она должна воспринять в себя эти многогранные ощущения и сплести из них венки могущества.

Лидер. Вот в чем зарыта собака! Вот оно это замечательное слово: Лидер! Это очень просто – быть лидером. Сначала стать таковым по своим ощущениям – это может каждый, следующий шаг – убедить в этом других. Вот такую простую формулу вывела Лера, наблюдая за мужчинами служебного окружения. Каждый из них в чем-то своём был первый: бездна опыта у Вев, вдумчивость, наивный энтузиазм и однозначная нравственная девственность Васи (последнее её особенно возбуждало), бесподобный сарказм Леша... ещё один типчик в её воображении напрашивается, пока стучится гостем, а мысль уже кружит вокруг и готовит ему царские одежды.

Между тем, Вев уточнял и доводил до каждого план действий по выполнению непростой задачи, поставленной Эдуардом Викторовичем. То предприятие N, которое предполагает выставить часть непрофильного производства на аутсорсинг (для начала предлагают взять в аутстаффинг), имело электронную систему управления производства. Эта система многогранна, разбита на модули, каждый из которых ответственен за определённую сферу производства. Им следовало подстроить работу их предприятия под определенный модуль, регламентирующий порядок ремонта и обслуживания.

Лера рассматривая руки, вздрогнула от слов Вев:

– Американцы в запале называя нас не страной, но дрянной бензоколонкой, хотят увериться, что окончательно низвергнута советская держава. Что никакого высокоумного производства больше не может быть в российской действительности. Оставшееся не разграбленным производство – грязные цеха, где через разбитые окна гуляет шальной ветер, заноса сырость для плесени, поедающей остов строительных конструкций. Могучесть советской страны превратилась в пустые заводы, пустые квартиры в жилых домах, где доживают брошенное старичье, поля, зарастающее горькой полынью и мелкоколесом, наркоманы и путаны вместо пионеров и октябрят. Отличная чума прошла по великой стране! Им, заносчивым американским деятелям, невдомёк, что Россия просыпается, когда очень плохо. Что как у любого организма есть точки роста, так остался ряд направлений, которые становятся центрами роста и обновления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.